

Игорь Чيو

Дельфиния

18+

Игорь Чю

Дельфиния II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69921505

SelfPub; 2024

Аннотация

В первой (бесплатной) части Диана Гарднер узнала о своей двойственности, но не выяснила, кто же такая ее темная сторона – бунтарка Маргарет? Почему она разговаривает с кошками и каким образом собирается исполнить роль Пандоры, чтобы получить ее красоту? Зачем ее хотят короновать древней диадемой? Что это за артефакт и в чем его сила? И если Маргарет жаждет заполучить волшебный рубин, то какой самоцвет нужен Диане? Загадок и проблем хватает, а времени мало. Еще и конкурентка на звание темной мессии опережает на один шаг и обязательно нанесет удар, когда узнает, что выбрали не ее... Уязвимой принцессе Диане не справиться со всем этим в одиночку, но ей поможет королева Маргарет, рожденная владеть и править.

Содержание

Глава 1. Райская птичка	4
Глава 2. Ящик Пандоры	29
Глава 3. Радуга любви	48
Глава 4. Башня и дворец	68
Глава 5. Вторжение в рай	95
Глава 6. Путь Черной Фиалки	115
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Игорь Чио

Дельфиния II

Глава 1. Райская птичка

– Посади птичку в клетку... – прошептало черное пятно, блеснуло желтыми щелями прищуренных глаз и заурчало по кошачьи.

Рита проснулась от вибрации и открыла глаза.

В комнате было светло, солнечные лучи отсвечивали в глянце настенного календаря с изображениями мифологических фигур вечного мрака Эреба и ночной темноты Ньюкты; рамка была установлена на дате 21 мая 2010 года. Круглые настенные часы в виде большого желтого смайлика показывали восемь часов. Воздух в уютной спальне вибрировал от шелеста и трепыхания – в шторах запуталась маленькая птичка; устав, она уцепилась лапками за кружева тюля и затихла.

«Ярко-оранжевый шарик с хвостиком... не воробей и не синица, – сонно подумала девушка. – Ах, это же канарейка! Экзотичная домоседка, рожденная жить и умереть в клетке, улетела от хозяев...»

Рита тихонечко поднялась, стараясь не спугнуть беглянку, но не заметила, как одеяло поползло и с тихим шорохом

свалилось на пол. Птичка перелетела на туалетный столик и спряталась между флаконами и упаковками лекарств.

– Теперь будешь жить со мной. Споешь мне о Канарских островах... как-нибудь потом, да? – Рита закрыла форточку и занавесила окно. – Это чтобы ты с размаху не ударилась о стекло, – она затаила дыхание и неслышно подкралась к трюмо, продолжая разговаривать с канарейкой так тихо, что сама не слышала своих слов. – Не бойся, я просто хочу рассмотреть тебя, оранжевое чудо.

Птичка забила крыльями, взлетела к окну и увязла в тюлевой преграде.

– Прелестно, вот и повиси пока там, – Рита одела белый фланелевый халат, сунула ноги в пушистые тапочки и подошла к круглому зеркалу, чтобы осмотреть аллергическое пятно на левой щеке.

«Кажется, покраснение стало бледнее, – она открыла тюбик, нанесла на кожу гормональную мазь и нахмурилась. – Не стоит обманываться, все также плохо, как и вчера».

В комнате раздалось требовательное кошачье завывание.

– Маня, что? Тоже хочешь, чтобы я посадила птичку в клетку? – не оборачиваясь, спросила Рита. – К чему этот ваш кошачий заговор?! Зачем два раза напоминать о том, что я, итак, собираюсь сделать? Да, да, я помню, волнистый попугай упорхнул в прошлом году, но клетка от него осталась и должна быть где-то в доме... скорее всего, в кладовке. Сейчас схожу.

Рита покончила с неприятной процедурой и спустилась по лестнице, соединяющей комнату с двумя этажами дома; кладовка находилась в основании башни, точно под спальней.

«Странно, что на двери нет замка, он тут всегда был... Ну и прекрасно, не придется спрашивать маму, где ключ».

Снизу вновь раздалось мяуканье – кошка Маня уселась между дверью и девушкой и напомнила о себе еще раз.

– Ищу клетку и кое-что еще, – коротко пояснила хозяйка. – Отойди, ты мне мешаешь.

Маня поднялась и отошла в сторону. Рита открыла дверь, щелкнула выключателем и бегло осмотрела тусклую комнатушку, заваленную хламом.

Войти было невозможно. Рядом с дверным проемом стояла обшарпанная тумбочка, тут же старые санки и лыжи, за ними мешки, коробки, банки; в глубине комнаты возвышался древний массивный сервант, рядом с ним стул, испачканный краской, на нем – деревянный ящик, похожий на домик с усеченной крышей.

«Ларец-теремок? Плохо видно, фонаря нет, и лезть в это царство пыли неохота...»

– Рита, доброе утро. Что ты ищешь? – сострадательный взгляд мамы напомнил об ужасной аллергической сыпи.

Проблемы с кожей лица возникали у дочери Улановых ежегодно и всегда на левой щеке. Врачи говорили о реакции на цветение, но вот уже третий день, как обычная весенняя неприятность превратилась в кошмар. Из-за канарейки Рита

забыла надеть марлевую повязку и теперь прятала от мамы лицо, коротко рассказывая об оранжевой птичке.

– Птица залетела в дом? – в голосе мамы звучало недоумение. – Это примета, но не знаю, хорошая или плохая. Маня, не мешайся под ногами. Клетка? Лежит тут, у входа, в картонной коробке. Схожу на кухню за резиновыми перчатками. Пойдем со мной, подождешь там. Нечего лазить по пыльным углам с твоей-то аллергией.

Кошка распушила хвост и побежала впереди. Рита молча пошла следом, полагая, что во всем, касающемся домашнего хозяйства, можно с закрытыми глазами довериться настоящему эксперту – маме. В ее владениях всегда порядок. Тех, кто не возвращает вещи на место, она зовет бурундуками, эти зверьки все тащат в свои маленькие норки. Самый злостный бурундук в доме, конечно, Рита – все, что попадает в ее спальню, остается там, пока мама не организует облаву на тарелки, чашки, ложки и прочую утварь.

Мама натянула резиновые перчатки, ушла в кладовку и через пару минут вернулась с яйцеобразным птичьим домиком и пачкой старых газет. Рита развернула одну из них на кухонном столе.

– Хорошо, что я положила ее у входа, – мама поставила клетку на стол, протерла решетки и открыла холодильник. – Налю Мане молока, чтобы не бегала за нами.

– Бесполезно, – нехотя заметила Рита, вынимая из клетки птичью поилку, – сейчас нашу кошку интересует только

птичка.

Мама наполнила блюдце и поставила его на пол, но Маня не стала пить молоко.

– И как ты понимаешь, чего она хочет, ума не приложу.

– Просто чувствую, – Рита постелила на дно клетки чистую газету и насыпала в кормушку горстку пшена.

– А я думаю, она хочет сцапать птичку. Следи, чтобы Маня не пробралась в твою комнату, или лучше скажи ей, чтобы шла на улицу.

– Она хочет посмотреть, как мы посадим птичку в клетку, – нехотя пояснила Рита, наливая воды в чистую поилку. – Ничего не случится.

– Ты уверена? – на всякий случай усомнилась мама, но, заметив утвердительный кивок дочери, привычно положила на ее знание кошачьей природы. – Ладно, пойдем ловить твою канарейку.

Дочь Улановых с детства дружила с кошками. Осторожные и бесстрашные животные, гуляющие сами по себе, подбегали к маленькой Рите и безропотно позволяли ей совершать с собой действия вопиюще оскорбительные, например, тискать до тошноты или даже бесцеремонно оттащить себя за хвост. Что бы она с ними не делала, кошки оставались лучшими подругами девочки, ее стражами, учителями и советчиками, Рита же понимала их так, будто общалась с ними на особом языке, непонятном, порой неслышном для других.

В спальне царила полная тишина, птичка как будто исчез-

ла.

– Улетела в нижние комнаты? – предположила мама.

– Нет, я закрывала дверь. Ой! Когда эта мелюзга успела сотворить такой кавардак?

Строй лосьонов для очищения кожи и коробочек с таблетками будто разворошили; упаковка с ватными дисками валялась на полу; гигиенические салфетки испачканы – канарейка нагадила прямо внутрь вскрытой упаковки.

– Крошечное стихийное бедствие! – Рита деловито прошла по комнате, хлопая в ладоши. – А ну быстро покажись! Мы принесли тебе домик.

Кошка запрыгнула на туалетный столик. Из-за шкатулки тут же раздался звук маленьких крыльев, бьющихся о препятствия; птичка вспорхнула, опрокинув на пол флакон с дорогим средством.

– Ах ты, маленькая хулиганка!

– Смотри-ка, – удивилась мама, – Маня и правда не охотится, хотя знала, где искать.

Оранжевое чудо подлетело к окну и со знанием дела уцепилось за тюль. Рита ловко завернула полу занавески и накрыла беглянку ладошкой.

– Осторожно, не придуши, – забеспокоилась мама.

– Попалась, дебоширка! – Рита погладила пальчиком малюсенькую головку и выпустила птичку в клетку.

Канарейка тут же вспорхнула на жердочку.

– Какой сочный оранжевый цвет, – удивилась мама, вос-

хищенно разглядывая птичку. – Смотри, у нее на груди белое пятнышко!

Маня устроилась около клетки и с интересом наблюдала за птичкой. За дверью раздался басистый мужской голос.

– Полина!

– Да, Марк, уже иду, – мама суетливо взглянула в сторону настенных часов и улыбнулась дочери. – Твой отец – это человек-распорядок.

Рита не удержалась от иронии:

– По твоей милости завтрак задерживается на целых пять минут! Безобразие! Ты хоть понимаешь, что твоя непростительная халатность ставит под угрозу безопасность российского государства?

Полина хохотнула, настороженно взглянула на кошку около клетки с чудесной птичкой и направилась к двери, попутно напоминая:

– Приходи на летнюю веранду, завтракать будем там.

– Я пока не хочу, – меланхолично отказалась Рита, – нам с Маней нужно поболтать и поискать то, что спрятано.

– Если нужно найти в доме какую-то вещь – спроси у меня. И лучше не серди отца, он будет недоволен, если ты не выйдешь к завтраку.

– Скажи, что я беспокоюсь о его здоровье. Вид обезображенной особы может испортить ему аппетит.

– Рита...

– Мам, это не обсуждается!

По опыту зная, что настаивать бессмысленно, Полина вздохнула и вышла из комнаты.

Пятью минутами ранее Марк Уланов появился на веранде, обнаружил, что завтрак еще не готов, сходил в кабинет за портфелем и теперь просматривал документы, сидя в плетеном кресле за столом, сервированном на три персоны, подомашнему скромно, но уютно. Прошло несколько минут, спасенных от бездеятельного ожидания, а завтрак не начался. Марк взглянул на часы, громко позвал жену, где бы она ни была, услышал ее голос, и спас еще пару минут, проверяя содержимое портфеля.

Полина вернулась, поставила в центр стола круглую сковороду, кувшин с апельсиновым соком и села напротив мужа. Аппетитный запах пышного омлета с беконом, помидорами, сыром и свежей зеленью заставил Марка отложить портфель и сделать жене комплимент:

– Даже из яичницы ты умеешь сделать маленький шедевр. Выглядит аппетитно, пахнет бесподобно, – он разделил блюдо на три части. – А где наша королева?

– Стесняется своего вида, – Полина выложила на тарелку пару слоеных пирожков и налила чаю в изящную чашку. – Отнесу ей в комнату.

– Нет, сиди, я схожу и позову.

– Рита не пойдет, а ты испортишь себе настроение на весь день, – она многозначительно посмотрела на мужа. – Лучше

подумай, как помочь.

Полина помедлила несколько секунд, убедилась, что супруг отказался от бесполезной затеи, и понесла дочери пирожки. Глава семьи остался в кресле, сурово нахмурился и погладил аккуратно подстриженную бороду.

Марк Уланов, рослый пятидесятилетний мужчина со взглядом внимательным, замечающим и угадывающим, умом был обязан природе, опытом – своему трудолюбию, а строгим воспитанием – отцу, высокопоставленному офицеру КГБ. После десяти классов школы юный Марк, выросший в семье потомственного военного, пошел по стопам родителя и избрал путь защитника государства российского от извечных его врагов, кои друзьями только притворяются, да и то ненадолго.

Еще в начале 60-х у маленького Марка проявился экстра-сенсорный дар, который его отец, человек знающий, заметил и взялся развивать. Это сегодня известно, что спецслужбы тайно исследуют пси-явления и паранормальные способности, но в период железного занавеса и холодной войны, начиная с 1946-го и до конца восьмидесятых, все изыскания в области аномальных явлений были засекречены. Марк Уланов получил шанс реализовать себя как медиум, проявил завидную работоспособность и к началу нашего повествования занимал в ФСБ положение авторитетного эксперта.

Благодаря отцу Марк с молодых лет знал, что человеку отпущен конечный запас времени, сил и энергии (очевидность,

пониманию многих, недоступная), поэтому концентрировал эти ресурсы в учебе и работе, позже в семье, а тех, кто расплылся на самообман, показную мишуру, ветреных подруг и любовниц, считал бездарными транжирами и не понимал. У женщин Марк часто вызывал томное желание погреться на груди утеса великана, но никогда не злоупотреблял этим, ибо принадлежал к редкому типу однолюбов.

Его супруга Полина вышла из той же среды военных династий, но с противоположной, женской стороны, на которой девочки учатся у мамы жить по распорядку главы семьи, выполнять свою часть домашней работы, уважать отца и, конечно же, по-доброму подтрунивать над ним, втихую или даже открыто – на всякий случай, чтобы на его голове не выросла корона. Все эти премудрости Полина усвоила легко. Став супругой Марка, она принялась создавать благоденствие во всем, к чему прикасалась, творить магию заботы, роста, уюта и прочие чудеса, на которые способны... назовем таких женщин не домохозяйками, а хранительницами домашнего очага.

Вернувшись, Полина выказала свое недовольство по поводу того, что супруг не притронулся к еде, разложила омлет по тарелкам и посетовала:

- Девочка уже третий день не в себе.
- Обычная весенняя чистка – снижает концентрацию гордыни, – равнодушно отозвался Марк, принимаясь за омлет.
- Уланов, хватит! Болезнь не может быть лекарством.

– Духовным – вполне может.

– На этот раз творится ужасное, кроме аллергии еще и дерматит.

– Это естественное взаимовлияние; тлен идет с запада, восток поглощает и рассеивает. Если бы не сопротивление Риты, то там, – Марк ткнул большим пальцем себе за спину, – все было бы намного хуже.

– Я понимаю, что ты мыслишь масштабно, – Полина переложила остатки со сковороды на тарелку мужа, – но ей еще экзамены сдавать. Рита не поедет в университет с таким лицом, да и ее день рождения справить не получится. Ты должен вмешаться, и немедленно.

– Полина, я не целитель.

– Отвези девочку к той знахарке.

– Божане? – Марк хмуро посмотрел на жену. – Ты знаешь, что односельчане зовут ее черной княгиней?

– Я догадывалась, что она ведьма, если ты об этом, – спокойно сообщила Полина.

– А что будет, если Рита заинтересуется темным колдовством, ты не подумала?

– Уланов, ты не знаешь собственную дочь. К твоему сведению, Рита давно увлекается хиромантией и гаданием на картах. Обычных и других, как их...

– Таро?

– Неважно. Ты забыл, что Божана спасла мне жизнь?

– Я помню, – мрачно отозвался Марк, – вот только плату

за свою помощь она еще не получила.

– О чем ты говоришь?

– Не догадываешься?

– Уланов, я не люблю твоих загадок! Если это касается Риты или меня, скажи, что знаешь, или не говори ничего.

Марк взглянул на часы.

– За мной скоро приедет машина.

– Тогда поговорим вечером, а пока подумай, что должна знать соучастница твоих научных преступлений.

– У меня было восемнадцать лет, чтобы подумать... – Марк вдруг запнулся и умолк.

– Что? Договаривай, раз начал, – Полина сообразила, что секретам надоело прятаться в тайнике, и приготовилась поднажать на камень, который так неожиданно зашевелился сам.

Марк отправил в рот последний кусок омлета и начал медленно пережевывать.

– Уланов, не тяни! Пароли, явки, быстро!

Он молча показал, что не может говорить с полным ртом.

– Хитришь, как ребенок, – сердито заметила супруга.

Марк взял салфетку, вытер губы и откинулся на спинку плетеного кресла.

– Перед тем, как помочь, Божана взяла с меня обещание, что я привезу к ней Риту после... – Марк запнулся, но все же договорил: – после появления *вестницы семи островов*. Не спрашивай, я понятия не имею, что это означает. Она сама

не знает. Считывает и передает, не думая и не пытаясь понимать, – Марк с раздражением бросил салфетку на стол. – Ломай теперь голову, Марк Борисович.

Полина молча отпила сока, поперхнулась и закашлялась. Марк вскочил и похлопал ее по спине, но супруге не понравилось.

– Все, прекрати! У тебя тяжелая рука, ты из меня душу выбьешь! Медведь!

Он перестал, осторожно опустил большую ладонь на плечо супруги и участливо пробасил в ее ухо:

– Ну как, провалилось?

Полина откашлялась, пытаясь справиться с неприятным ощущением в груди, и хрипло произнесла:

– Утром в спальню Риты залетела канарейка.

– И что с того? – равнодушно спросил Марк. – Наверно, улетела от соседей.

Супруга отпила маленький глоточек сока и поставила стакан на стол.

– Канарские острова... их семь в архипелаге.

– Мы тут кроссворды разгадываем? – Марк строго посмотрел на жену и вдруг нахмурился. – Что?! Канарейка – вестница?

– Да! – Полина наконец победила кашель и с торжеством посмотрела на мужа. – Не хочешь слушать меня, так сделай, черт возьми, как велела Божана!

– Вздор! – Марк выпрямился, неразборчиво пробурчал

ругательство. – Где она сейчас?

– Канарейка? У Риты в спальне, где же ей еще быть? В клетке попугая.

– Ты же ее выбросила.

– Я передумала и спрятала в кладовке, – Полина воровато взглянула на мужа и вдруг вспыхнула. – Уланов, не надо на меня так смотреть!

– Я повесил замок на дверь. Как ты ее открыла?

– Знала, где лежит ключ, только и всего – в верхнем ящике стола в твоём кабинете.

– Что ты там искала? – строгим тоном спросил глава семейства.

– Ничего, – Полина пожала плечами и невинно хлопнула ресницами. – Мне и в голову не пришло, что ты прячешь этот несчастный ключ. Ой, кажется, я не вернула его на место. Кстати, Рита сама хотела лезть за клеткой в эту пыльную кладовку, но я успела отговорить.

Марк возмущенно задвигал бровями.

– Ты не закрыла чулан обратно на замок?

– Извини, я не знала, что ты хранишь там государственные секреты! – язвительно вывернулась Полина, начиная догадываться, что посягнула на святое...

В деликатных вопросах самооценки Рита Уланова была единомышленна с одним замечательным человеком – с Ритой Улановой, а к суждениям других людей относилась подоб-

но блистательной Коко Шанель; та в свое время говорила: «Плевать на то, что вы обо мне думаете. Я о вас не думаю вообще».

Сон с приключением в Лос-Анджелесе, который вызвал бы стресс у мнительных созданий, Рита восприняла без панических вопросов об адекватности собственного разума и восприятия. По ее мнению, произошла некая аномалия, имеющая логичное объяснение, но проблема вовсе не в том, что она, Рита Уланова, сошла с ума или отличается от других, а в том, как исследовать эту аномалию и какую пользу можно извлечь из нового опыта. Трудность заключалась в объеме загадок, свалившихся ей на голову, в поиске ключей к ним и в том, как отличить ложь от правды. Впрочем, с последней сложностью большинство людей вынуждено сталкиваться столь же часто, как делать вдохи и выдохи.

Попив чаю, Рита взяла с полки томик стихов Пьера де Ронсара и прилегла на ложе под куполообразным балдахинном. Органза голубого оттенка свисала шатром с крюка в потолке и рассыпалась по ковру, обнимая собою кровать. Придворный поэт был возвышенно грустен, склонен пофилософствовать и тихо сострадал королеве, услаждая ее чудесными рифмами:

*На мир она смотреть привыкла свысока,
По прихоти её сменяются века,
И годы, и часы, но, царственно прекрасна,*

Законам собственным богиня неподвластна

Рита мысленно отвечала Пьеру об одиночестве обезображенной особы, ее недооцененных талантах, достоинствах и о желанной красоте, которой так не хватает до полного совершенства. Дионис Парва, кем бы он ни был, тронул сокровенное желание королевы, но стоит ли игра свеч? Ронсар веле-речиво отзывался:

*Сомнений тягостных опять предвижу дни,
Но нечто высшее мне говорит: «Дерзни
И труд свой посвети достойнейшей на свете,
Чьё имя сберегут пергаменты столетий»*

Рита вполне удовлетворилась рифмованной лестью и призывом к дерзновенному, отложила книгу, открыла ноутбук и зашла на страницу официального сайта истфака МГУ с расписанием летней сессии бакалавриата. Первый экзамен по предмету «История древней Греции» для группы 102 был назначен на 9 часов утра 6-го июня.

– Как назло, в день моего рождения, – Рита вдруг вспомнила драконьи кактусы, венец, упомянутый Дионисом в ее странном сне, и набрала в окне поиска английские слова: *Annet's diadem*. – Есть! «Чудесное возвращение Золотого венца Энтум», – она щелкнула мышью по ссылке, ноутбук загрузил оцифрованную страницу из апрельского номера жур-

нала «*Three A*» от 1998 года.

Ancient * Antiques * Art * News

27 March 1998

Недавно опубликованный каталог аукционного дома Kirby's преподнес сюрприз исследователям и почитателям древностей. Речь идет о лоте №127, которым уже заинтересовались крупнейшие музеи мира, а о его появлении начали говорить, как о сенсационном возвращении утраченного артефакта.

Золотой венец Энтум, известный узкому кругу специалистов как «Диадема Глории», был найден в 1910 году, но уже в 1912-ом след его затерялся в водах Атлантики почти на 90 лет. Этот предмет не был частью чьей-либо коллекции и не выставлялся в качестве экспоната; после его исчезновения осталось лишь несколько фотографий и статей в периодических изданиях. Возможно, поэтому сам факт существования «Золотого венца» малоизвестен современным коллекционерам и почитателям древностей.

Об этом вряд ли стоило упоминать, если бы весть о чудесном возвращении диадемы исходила из сомнительного источника. Речь, однако, идет об официальном лоте в каталоге старейшего аукционного дома, имеющего достаточный арсенал для защиты от подделок, включая научные методы анализа и штат авторитетных экспертов.

Древние упоминания Золотого венца Энтум похожи на обрывки мифов, поэтому с уверенностью говорить о его принадлежности к какой-либо исторической эпохе не возьмется ни один эксперт. Что же касается слова «Энтум» в названии артефакта, то это отсылка к городу-государству Урук в Древней Месопотамии, рядом с развалинами которого и был найден артефакт.

Для тех, кто незнаком с его историей, скажем, что поиски Золотого Венца начались в 1907 году после расшифровки оттиска цилиндрической печати, найденной в Египте. В древнем тексте содержались сведения о захоронении владычицы и принадлежащем ей Золотом Венце, с помощью которого она могла говорить с богами. Здесь следует упомянуть имя автора этого перевода, признанного знатока шумерской письменности Рудольфа Остермана, на репутацию которого, по отзывам его современника Генри Харта, *«никогда не падала тень от дурных дел и намерений»*. Тот факт, что шумерская печать найдена не в Месопотамии, а в Египте, Остерман объяснял наличием торговых связей между древними цивилизациями.

К сожалению, полный текст перевода не сохранился, а нынешнее местонахождение цилиндрической печати из lapis-lazuri, с которой и был сделан оттиск клинописного текста, нам неизвестно.

Стоит отметить, что упомянутый нами Генри Харт, меценат и мультимиллионер, разбогатевший на строительстве

железных дорог, был страстным собирателем предметов искусства и старины. Он и присоединил к названию артефакта слово «Энтум», что с точки зрения исторической науки является вольностью и прихотью богатого почитателя древностей. Добавим сюда, что именно Генри Харт финансировал две археологические экспедиции с целью поиска гробницы, но потерпел неудачу. Его опередила, тогда никому не известная, мисс Глория Аддерли, возглавлявшая группу археологов, нанятых на деньги ASCC (Ассоциации Спиритуалистических Церквей Калифорнии).

Известно, что в 1910 году предмет под названием «Золотая диадема из Османского Ирака с семью пустыми нишами для драгоценных камней» был застрахован как собственность ASCC, а спустя два года Глория Аддерли задекларировала его перед посадкой на печально знаменитый пароход Титаник. 14 апреля 1912 года Глория Аддерли и ее спутница Франсуаза де Байо погибли при крушении лайнера в Атлантическом океане. С тех пор «диадема Глории», названная так в честь нашедшей ее женщины археолога, считалась безвозвратно утраченной.

И вот спустя 87 лет этот артефакт числится в весеннем каталоге Kirby's. Внешний вид лота №127 совпадает с диадемой на фотографии, сделанной в 1909 году. В сопроводительном описании лота сказано, что «в ночь крушения Титаника с 14 на 15 апреля 2012 года золотой венец Энтум попал в руки к матросу Дину Доусону, который и доставил ар-

тефакт на сушу».

Хочется надеяться, что по результатам торгов раритет не осядет в частной коллекции на неопределенное время, а будет выкуплен одним из крупных музеев. В этом случае ознакомиться с диадемой Глории смогут все почитатели древнего искусства.

Рита внимательно просмотрела текст и набрала в строке поиска другую фразу:

Getty Museum Entum's golden crown.

Ноутбук выдал заголовки современных статей 2008-2010 годов. Рита ткнула по первой ссылке и бегло пробежалась взглядом по строчкам статьи под названием «*Ретроспектива артефакта: как и когда венец Энтум достался американцам*».

«*Диадема Глории на Вилле Гетти в Малибу ... так и есть, в 1998 году диадему выкупил музей Гетти. А вот и след Диониса! Верховная жрица презентовала древнюю диадему... Церковь Сатаны ожидает пришествие королевы ведьм ...* Они там что, свихнулись? Это всерьез? – в памяти Риты неожиданно всплыли подробности разговора, на котором присутствовала Диана. – Китти – внучка Аннет Палмер! Реклама? Да это же целая медийная кампания! Они готовились! Парва искал меня и нашел с трудом, он знал мое имя... Это не шутки? Ева и Лилит, Дипло Астери, древняя магия Сириуса, смена эпох... Начинается крупная игра? Меня хо-

тят использовать втемную? – Рита посмотрела в окно и прищурилась, но не от яркого света, а от мстительного желания задать перцу всем богам и дьяволам, посмевающим строить планы за ее спиной. – Очаровательно, я в игре, но кое-кому придется об этом пожалеть...»

Рита услышала громкие голоса родителей, вскочила с кровати и открыла окно.

– Полина, ты заперла кладовку? – строго спрашивал отец.

– Не помню, где оставила замок, сейчас поищу, – отвечала мама и вдруг рассерженно повысила голос. – Да что такое, в конце концов?! Что ты прячешь в этой чертовой кладовке?!

«Это в самом деле странно, что гора хлама в чулане до сих пор не разобрана... – подумала Рита, – родители терпеть не могут беспорядка, а там такое... откровенный бардак!»

Она напрягла слух, но звуки речи были неразборчивы; по удаляющимся голосам стало понятно, что родители зашли в дом. Рита тихонько подбежала к полузакрытой двери и прислушалась вновь. Раздался негромкий, но требовательный голос отца.

– Полина, сейчас же запри кладовку и не спрашивай, зачем. Я потом все объясню.

– Ладно, сейчас... а где живет Божана?

– Под Лихославлем, это в Тверской области.

– И когда ты собираешься везти к ней Риту?

– Я не говорил, что собираюсь.

– Уланов!

– Полина, все! Прения окончены! Отвезу, когда будет необходимо!

Голоса стихли. Рита услышала скрип ступеней, отошла от двери и достала из пакета на столике стерильную медицинскую маску.

Марк постучался в комнату дочери без надежды быть желанным гостем в покоях печальной королевы, но, к его удивлению, Рита быстро отозвалась и разрешила войти. Белый фланелевый халат и марлевая повязка на лице придавали ей вид медсестры из приемного отделения инфекционной больницы.

– Хочешь познакомиться с моей новой подругой? – спросила она.

– Да... о чем ты думала, когда в комнату залетела птица? – он наклонился над клеткой, рассматривая канарейку.

– Я спала.

– Что тебе снилось? – в тоне отца прозвучала неуместная требовательность.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ты не ответила.

– Я не на допросе, – Рита пристально смотрела в глаза отца, пытаясь понять, что скрыто за его вопросом о сне.

Марк со вздохом выпрямился. Поединки с дочерью на поле умолчаний и недоговорок были для него привычны, но на этот раз она вела себя агрессивнее, чем обычно; взгляд ее был тяжелым и обвиняющим.

– Рита, ты напряжена, я хочу понять, что тебя беспокоит.

– Пытаешься залезть мне в голову?

– Образы из сновидений являются сообщениями от бессознательного, они закодированы...

– Я знаю, что сны, это особый язык, на котором бесконечность общается с душами людей.

– Да, бездна вещает о главном... – Марк немного помолчал, как будто отвлекся на свои мысли, но тут же вернулся к разговору с дочерью. – Так что тебе приснилось?

– Мне не нужен переводчик снов по Фрейдю.

Марк сделал вид, что дерзость дочери его не раздражает.

– Рита, я не собираюсь выпытывать твои личные секреты...

На улице послышался короткий автомобильный гудок. Рита взглянула в окно; у ворот дома стояла черная служебная машина.

– Пап, ты в цейтноте, – с торжеством констатировала она, кивая в сторону окна и скрепя руки на груди. – Хочешь узнать о моем сне? Тогда скажи, что спрятано в чулане?

Марк пригладил волосы от лба к затылку и шумно вздохнул.

– С тобой трудно разговаривать, мне начинает казаться, что я зря организовал для тебя занятия из программы спецподготовки.

Рита издевательски симитировала голос синтезатора речи.

– Внимание! Обнаружена попытка манипуляции. Упрек замаскирован под раскаяние, чтобы навязать вам чувство вины, – она перестала ерничать. – Кто такая Божана?

– Ты подслушивала?

– Вас было слышно в Копенгагене.

– Мама тебе расскажет, а у меня действительно очень мало времени, – Марк взглянул на часы. – Так ты скажешь, что тебе приснилось или нет?

– Возможно, если ответишь на мои вопросы, – Рита засмеялась глазами, наслаждаясь неудовлетворенным любопытством отца.

– Ответы порождают новые вопросы, это аксиома познания, а переизбыток информации может шокировать неподготовленный разум.

– Я в курсе – из темноты нужно появляться постепенно, чтобы не напугать саму себя.

– Что ты хочешь узнать?

– До пяти лет у меня были признаки раздвоения личности. Почему я об этом ничего не знаю?

– Ты не говорила, что с тобой такое происходит, – он опять посмотрел на канарейку.

– Какое *такое*? – брови Риты угрожающе нахмурились. – Ты даже не удивился и прячешь глаза, следовательно, понимаешь, о чем речь. Рассказывай! Я имею полное право знать о секретах, которые касаются лично меня!

– Рита, поверь, счастье не в секретах...

– Французы говорят, что счастье приходит во время сна, – перебила отца Рита. – Я знаю, откуда прилетела эта «райская птичка».

– С Канарских островов? – нехотя предположил он.

– Из Лос-Анджелеса, от девочки по имени Диана.

Марк порывисто приложил ладонь ко лбу и пригладил волосы до затылка. Рита, хорошо зная, что этот жест характерен для отца в моменты его замешательства, торжествующе констатировала:

– В яблочко!

– Никому не рассказывай о том, что узнала, – сурово про-басил Марк. – Тайны подобны сосуду, полному до краев, его нужно нести осторожно, чтобы не расплескать ни капли.

– Я хочу знать больше, – требовательно заявила Рита.

– Отложим этот разговор до дня твоего рождения.

– Я исключительно терпелива при условии, что выйдет, по-моему. Маргарет Тэтчер прочитала мои мысли перед тем, как это сказать.

Марк молча развернулся, направился к двери и, уже выходя, не удержался от подачи:

– Женщина в политике – это недоразумение.

– Не такое нелепое, как мужчина в религии.

Глава 2. Ящик Пандоры

Служебная машина Марка Уланова преодолела видимую часть дороги и скрылась за лесопосадкой. Рита отошла от окна, спустилась по лестнице на первый этаж к чулану, но дверь оказалась закрытой.

«Мама все-таки нашла замок. Придется работать по плану Б».

Рита прошла на кухню.

– Так сильно хочется пить? – поинтересовалась мама, наблюдая, как дочь перелила содержимое алюминиевой банки в высокий стакан и продолжает трясти ее, выжимая последние капли.

– Мне нужна банка, и не спрашивай зачем, – Рита сняла с крючка массивные ножницы для рыбы и вышла из кухни.

Уединившись в спальне, она вырезала из жестяной банки Т-образную фигурку, закруглила острые углы, и спустилась к кладовке, чтобы вскрыть замок импровизированной отмычкой.

Вставить пластинку из жести вдоль дужки всяческого замка было не трудно, но отодвинуть запорный язычок оказалось непросто. Предприняв пару неудачных попыток, Рита вынула отмычку; плечи ее получились слишком короткими, поэтому ухватить их покрепче, чтобы провернуть лепесток внутри замка, было почти невозможно.

«Придется переделать».

Юная взломщица развернулась и увидела перед собой маму.

– Рита, что на этот раз?

– Хочу узнать, что папа прячет в чулане.

– Это шутка? – растерялась Полина и вдруг поняла. – Так!

Ты слышала наш разговор с отцом, и теперь тебя разбирает любопытство. Рита, тебе делать нечего?

– Папа сказал, что ты введешь меня в курс насчет Божаны.

– Ты не обманываешь? Он правда так сказал?

Рита с досадой закатила глаза.

– Позвони и спроси сама, пока он не выключил телефон.

– Ладно, ладно, извини, ты же знаешь, Уланов ужасно скуп на слова, когда дело касается его тайн. Я просто не хотела выглядеть наивной.

– Хотеть или быть, вот в чем вопрос, – отвлеченно сказала Рита. – Это я про себя, мам, ты напомнила мне о сложной дилемме. Что там с Божаной?

Полина вкратце рассказала об утреннем разговоре с мужем и невольно вспомнила о его предостережении, заметив у дочери лихорадочный интерес ко всему, что касалось ведьм и колдовства.

– Мам, она правда спасла тебе жизнь при родах?! Папа не хочет везти меня к ней?! – Рита удивилась и сменила с восторг на гнев. – Пусть только попробует не отвезти! Я устрою ему день взятия Бастилии! Так! Мне нужны подробности.

– Я знаю мало и уже все рассказала... – Полина невольно включила заднюю скорость, но вовремя вспомнила, что защищаться лучше, нападая. – И не смотри так! Я родила тебя и выжила. Это все! Хочешь узнать больше – спроси у отца!

– Не сомневайся, я найду способ... – Рита прищурила глаза, задумалась на секунду и вдруг оживленно спросила: – Как насчет кладовки, мам? Ты же хотела узнать, что папа прячет в чулане?

– Я отдала ему ключ и...

– Или он сам его взял, – бесцеремонно перебила Рита.

– В общем, да, – нехотя согласилась мама.

– Это не проблема, подожди на кухне.

Рита сбегала в свою спальню, вернулась с ножницами, остатками жестяной банки, и прямо на глазах у изумленной мамы смастерила новую отмычку с учетом прежних недоработок. Полина не удержалась от вопросов. Дочь пообещала маленькое шоу, подошла к двери в кладовку и проделала нужные манипуляции. На этот раз все получилось легко и быстро, дужка выскочила из замка под испуганный возглас мамы:

– Рита! Где ты этому научилась?

– В банде черной кошки, это такой сайт в интернете.

– А там случайно нет инструкции о том, как выкинуть гору хлама, не привлекая внимания?

– Можно раскрошить все на мелкие кусочки и тайно выносить их в дырявых карманах, как Энди Дюфрейн.

– План гениальный, вот только как быть с твоей аллергией? Глотать пыль тебе противопоказано.

– Я же в маске.

– Не болтай ерунды!

– Мама, хватит ставить мне палки в колеса! Помоги или не мешай!

– Вижу, тебя не отговорить, – сокрушенно вздохнула мама, – тогда хоть надень рабочую одежду.

– Принято, – холодно согласилась Рита и скомандовала: – Пять минут на подготовку.

Полина отыскивала в стенном шкафу фонарь с респираторами и старую обувь – все как полагается настоящим искателям пыльных приключений. Рита вернулась в черных лосинах и футболке, испачканной засохшей краской, проворно перелезла через тумбочку у входа, добралась до ларца и испытала разочарование. Это была старая коробка, накрытая перевернутым корытцем.

– Знать бы, что искать, – вяло заметила мама, наблюдая за дочерью. – Выкинуть бы это все да навести здесь порядок.

Рита обследовала содержимое тумбочки и принялась методично осматривать стеллажи вдоль стен.

– Тут нужен динамит, как в шахте.

– Уланов нас убьет, – пробормотала Полина.

– Может, папа боится, что мы случайно выбросим спрятанное?

– Даже не знаю... Что тут можно спрятать?

– Тогда зачем держать рухлядь под замком?

– Спроси у отца, – с раздражением ответила мама, – он запретил наводить тут порядок.

– Запретил? Очаровательно! С этого надо было начинать! – Рита прекратила поиски и категорично заявила: – Рыться в этом мусоре нет смысла.

– Закрываем кладовку? – с надеждой в голосе спросила мама, даже не пытаясь узнать причины столь решительного разворота дочери.

– Нет! Нужно найти то, что спрятано. Человек-распорядок не станет хранить важную вещь в бардаке. Он использует кучу хлама как ширму!

– Не понимаю, что можно спрятать за такой ширмой.

– Как что? Тайник, конечно! В стене или в полу.

– Здесь был погреб...

– Ого, а я уже собралась простучивать стены, – оживилась Рита. – Но почему был?

– Прихоть прежнего хозяина. Когда я была в роддоме, Уланов нанимал рабочих, чтобы засыпать эту ненужную яму.

– То есть сама ты не видела, что именно они тут делали?

– Нет, конечно.

– Очаровательно, – удовлетворенно промурлыкала Рита, внимательно осматривая пол кладовки. – Теперь мы знаем, что искать.

– И что же?

– Люк, мама, – взгляд ее остановился на массивном сер-

ванте, – перелезай, будем двигать антиквариат.

– Не нравится мне твой энтузиазм, – посетовала Полина, но помочь не отказалась.

Сервант оказался неподъемным, сдвинуть его даже вдвоем было невозможно.

– Ну вот, все само собой и решилось. Закрываем кладовку и пошли пить чай.

– Нет! – настырно возразила Рита. – Сервант, это исполкинский валун над входом в таинственную пещеру. Не удивлюсь, если он набит мешками с песком. Теперь ясно, почему папа закрыл кладовку на простой амбарный замок.

– Он прав, дочка, двигать такую тяжесть из пустого любопытства, это чистое безумие.

– Даже не думай сдаваться, мам! – Рита открыла нижнюю дверку серванта; на полках были уложены мешки с цементно-песчаной смесью и сухой штукатуркой. – Что я говорила? Выложим это все в угол чулана, и сервант станет легким как пушинка.

– Рита, что происходит?! Два дня ты боялась вдохнуть лишнюю пылинку, а теперь разгружаешь чулан от мешков с цементом!

– Нужно найти то, что спрятано, – упрямо сказала Рита. – Мам, помоги.

Измазавшись в цементе и вспотев от усилий, мать и дочь наконец сдвинули злосчастный сервант. Под ним находился люк.

– Искомое найдено! – радостно воскликнула Рита, смахивая мусор и пыль с квадратной металлической крышки в деревянном полу. – Но люк, разумеется, закрыт, а замок уже не такой примитивный как на двери.

– Отец нас убьет.

– Не злит, что он тебя обманул?

– Если Уланов не говорил, то мне лучше не знать, я ему доверяю.

– Твое доверие смахивает на самообман в отсутствии выбора, – тихо произнесла Рита, разглядывая замочную скважину. – Тогда лишь двое тайну соблюдают, когда один из них ее не знает.

– Говоришь стихами.

– Не я, Шекспир. Ромео и Джульетта, – Рита поднялась и уперла руки в бока. – Я хочу знать, что находится в подвале моей башни. Может, там трупы зарыты.

– Рита, иди в жопу! Какие трупы?!

– Ты говорила, что прежний владелец дома был криминальным авторитетом.

– Не выдумывай, он тут не жил, – отмахнулась Полина, – его убили до того, как построили дом.

– Правда? Я не знала, но это ничего не меняет.

– Ох, не нравится мне это все! Нельзя лазить по чужим тайникам. Уланов наверняка знал, что делал, когда обустроивал тут погреб.

– Не погреб, а подземный сейф!

– Не вздумай его открывать.

– Замок сложный, без ключа не получится, – с сожалением заметила Рита, внимательно осматривая люк.

– Вот и хорошо. Пойдем отмываться и пить чай.

После приключений в кладовке Рита приняла душ и вернулась в спальню. Маня по-прежнему сидела у клетки и с интересом заглядывала на дно. Внизу на газете, забившись в угол, нахохлилась испуганная канарейка. Рита подошла, присела рядом и заглянула кошке в глаза.

– Я поняла, что птичка с клеткой были поводом для поисков в чулане. Теперь мне нужно открыть люк. Что скажешь?

Кошка тронула лапой решетку и посмотрела на потолок. Риту осенила догадка.

– Умница Маня! Парва сказал, что искать надо как внизу, так и вверху! Чулан внизу, а что у нас наверху? – спросила она, поглаживая кошку. – Правильно, кабинет отца на втором этаже.

Рита подошла к массивному дверному проему, похожему на древний портал в каменной стене, приоткрыла дубовую дверь и бесшумно проскользнула между ней и массивным косяком.

Рабочий кабинет отца, где полутьма охраняла покой и тишину даже в солнечный день, дочь в шутку называла апартаментами архимага. Сейчас они были пусты, потому что сам

он отправился по неотложным делам в министерство тайных дел империи.

Массивная мебель, бамбуковые жалюзи на окне, квадратные деревянные панели кессонного потолка, похожего на огромную плитку шоколада; книги на полках и даже медвежья шкура на паркетном полу – все здесь молчало о тайнах и обвиняло юную особу во вздорном любопытстве. Как посмела она войти сюда без разрешения! Понимает ли, какую возмутительную выходку задумала?

Поддавшись безмолвному давлению интерьера, Рита остановилась и не сразу прикрыла за собой дверь. В кабинет вбежала кошка.

– Маня! Ты обалдела? – гневно шикнула хозяйка.

Кошка села рядом и заглянула ей в глаза, будто спрашивая: «А ты?»

– Я – другое дело, – тихо ответила Рита и осмотрелась.

Напольный глобус-бар был повернут Евразией к центру кабинета. Где-то там, на другой стороне Земли, на континенте Северная Америка, в Южной Калифорнии, находится перевернутый мир прошлого, а в нем город Ангелов, отстающий от Москвы на шестьсот минут из-за часовых поясов. Настенные куранты с двуглавым гербовым орлом и римскими цифрами показывали почти десять. Рита подумала, что Лос-Анджелес все еще во вчерашнем дне, там сейчас почти полночь, но уже через пять минут город Ангелов догонит Москву и войдет в новые сутки 21 мая 2010 года.

«Диана, скорее всего, спит... надо было позвонить с ее телефона на свой, могли бы поболтать как-нибудь... и с Китти тоже. Забрала ли она письмо у Сэма? Надеюсь, общая память подскажет, но какая-то она медленная...»

Рита вздохнула и осмотрелась.

– Будем искать сейф, Маня.

Группа Альфа в обновленном составе прошла вдоль стен, заглядывая под небольшие картины, фотографии в рамках, и остановилась перед настенным календарем под имперскими часами. На фото – прекрасный вид на Кремль, внизу надпись: «Москва – третий Рим».

«Вполне в духе отца. Сейф тут?»

Она приподняла краешек бумажного полотна, убедилась, что догадка верна, и аккуратно сняла календарь со стены. За ним располагалась железная дверка. Пятнадцать минут назад Рита видела кучу таких в интернете и сейчас подумала, что перед ней обычный домашний сейф, а ключ от люка, скорее всего, в нем.

«Нужна комбинация. Дионис говорил о числах на фоне костров и плясок ночных теней. Это про день рождения папы, он родился в Вальпургиеву ночь с тридцатого апреля на первое мая. Апрель – четвертый месяц, май – пятый. Значит, это числа тридцать, четыре, один, пять. Замок лимбовый, такой же, как на сейфе Винсента Гарднера, вокруг ручки сто делений... Просто ввести дату? Нет, тут какой-то подвох. Можно попробовать несколько комбинаций, но если в меха-

низме есть блокировка, то первая неудачная попытка станет последней. Папа узнает, что я пыталась открыть кабинетный сейф, и обязательно сменит шифр, а когда обнаружит переверот в кладовке, то все поймет и заберет ключ с собой. Так не годится. Надо открыть этот сейф сегодня или завтра придется взламывать люк в чулане».

– Думаю, нужно вводить круглые числа. Что скажешь? – прошептала Рита и взглянула на кошку. – Не молчи! Мяукни, что ли. Числа круглые?

Маня равнодушно посмотрела на девушку и лениво прищурилась.

– Я тебе припомню это молчание, – мстительно пообещала Рита.

Подув на вспотевшие пальцы, она ввела комбинацию 30-40-10-50 и нажала ручку сейфа. Внутри что-то щелкнуло, но дверца не открылась.

– Блокировка, – мрачно констатировала Рита. – А я уже хотела сказать, что ларчик просто открывался.

Кошка тихо мяукнула, вскочила, подбежала к письменному столу, запрыгнула на него, пересекла лакированную поверхность по диагонали, легла на угол со стороны кресла и посмотрела вниз.

– Выдвижные ящики?

Кошка мяукнула второй раз. Рита попыталась открыть их один за другим, но поддался только один, самый верхний, почти пустой, с ручками и коробкой скрепок. Кошка развер-

нулась и подползла к противоположному краю стола.

– Столешница? – Рита принялась ощупывать козырек во-
круг стола. – Ничего, – она вернулась к ящику, просунула в
него руку и провела ладонью по верхней стенке.

– Маня, тут что-то есть! Кнопка? Нет, какая-то маленькая
штучка. Рычаг?

Рита сдула непослушную прядь волос, заслонившую лицо,
и потянула рычажок на себя. Прямо перед ней из массива
стола выскочила маленькая полочка с ключом.

– Маня, мы победили! Ты заработала вкусную награду, –
прошептала хозяйка, стараясь сдержать радость и не загово-
рить громче.

Завладев ключом, она закрыла ящик и уже хотела вернуть
календарь на место, но вдруг услышала снизу кошачий вой.
Маня была сдавленно и настырно.

– Что не так?! – шикнула Рита.

В ответ кошка оперлась передними лапами о стену, выпу-
стила когти и потянулась.

– Обои раздерешь! – она схватила кошку на руки и напра-
вилась к выходу, чтобы выставить ее за дверь. Маня опять
завыла. – Не ори! Сейчас подумаю.

Рита посадила кошку на пол и внимательно осмотрела
трофей.

– Этот ключ не от люка! – взгляд ее сам собой притянулся
к металлической дверце в стене. – Это же аварийный ключ!
Я могу разблокировать сейф и даже поменять шифр!

В сейфе лежала небольшая стопка папок. Перед ними на видном месте – ключ. Тот самый. Положив его в карман халата, Рита не удержалась и взяла в руки верхнюю из папок с грифом, перечеркнутым красной чертой.

КГБ СССР. Секретно.

Отчет № 101271 об археологической экспедиции.

1989 год, Ближний Восток, Сирия, 10 км к югу от города Латакия.

Объект «Провал-17» представляет собой круглое отверстие в Земле глубиной 130 м и диаметром 60 м. Круг геометрически правильный, стены отвесные, ровные. Снимок объекта с орбитальной станции прилагается.

По мнению ученых из геологического института РАН Носова А.Н. и Дально В.Р., участвовавших в экспедиции, объект «Провал-17» образовался относительно недавно, около 2-х лет назад, в результате обрушения одного из холмов местности. Анализ проб грунта, взятых с разных глубин шагом в 10 метров...

– Ла, ла, ла, – Рита нетерпеливо пропустила цифры.

При отборе проб на глубине 127 м был обнаружен наскальный рисунок в виде двойной спирали...

– Как интересно, – прошептала она, разглядывая фото ри-

сунка, напоминающего спиральную галактику, расположенную в центре пересекающихся эллипсов. – Что-то космическое... наверно, вход в подземную межгалактическую базу, – Рита хихикнула.

Маня тихонько завыла.

– Замолчи! – она захлопнула папку и взяла следующую.

КГБ СССР. Секретно.

8 ноября 1974, Москва.

Отчет о результатах обыска в квартире гражданина Нойманна В.В.

Рита зашевелила губами, перескакивая взглядом со строчки на строчку.

Опись изъятых имуществ... документы, дневники... кольцо... бриллиант поддельный... письмо Янусу... личность адресата не установлена...

Маня завыла громче, на этот раз настойчиво.

– Все, все, уходим, – Рита вернула папки на место, закрыла сейф, повесила календарь и вернула аварийный ключ в тайник. – Теперь в чулан, Маня!

Люк в кладовке оказался крышкой металлического сварного короба, вкопанного в землю. При необходимости сюда

можно было спрятать кресло с невысокой спинкой, но короб был почти пуст. На дне его лежал фанерный ящик размером чуть больше обувной коробки. Рита толкнула трофеей ногой, поняла, что он легкий, и отнесла в свою спальню, а ключ самым наглым образом оставила в замке.

Деревянная крышка была опечатана сургучом с оттиском в виде двойной спирали, похожей на S-образную галактику.

«Тут лежит световой меч или магический артефакт конфедерации, – озорно подумала Рита. – Стоп! Спираль такая же, как в секретном отчете о Провале-17! Запомним...»

Открыть коробку, не повредив печати, было невозможно.

«Спросить у Зевса разрешения и получить в ответ безапелляционное нельзя? Ну уж нет. Раз Пандора добралась до ящика, то она обязательно его откроет! Когда папа обнаружит пропажу, будет уже поздно, а если в ящике нет ничего интересного, я просто верну его на место. Нужно аккуратно срезать сургуч...»

Рита спустилась вниз, отнесла в подсобку респиратор с фонарем, нашла стамеску, небольшой молоток, тонкий металлический шпатель и кусок пластилина; собрав все это, она позвала кошку, чтобы щедро наградить колбасой и сметаной, но Маня куда-то исчезла.

Пластилиновый слепок печати получился отчетливый.

«Это на всякий случай».

Рита села на пол рядом с коробкой, нагрела феном сургуч и срезала печать шпателем. Под крышкой лежал плотный во-

рох соломы, в ней – сверток из чистой мешковины.

– Наверно, что-то хрупкое, – Рита откинула грубую ткань и порывисто вздохнула от неожиданности. – Ух ты!..

На дне ящика лежал небольшой череп животного, чистый, белый, с глянцем, будто полированный, со сложным геометрическим символом на костяном лбу. Алая краска лежала неровно; тот, кто рисовал, использовал не кисть, а маленькую палочку, размочаленную на конце.

– Это была кошка, – Рита взяла череп, повертела в руках и заглянула в пустые глазницы.

В окно подул сильный ветер, тюлевая преграда вздыбилась, канарейка с истошным чириканьем скакнула на соседнюю жердочку. Рита вздрогнула.

– Я не боюсь, просто неожиданно, – подбодрила она сама себя и вдруг почувствовала, что не в состоянии пошевелиться.

Ветер стих так же быстро, как взбунтовался; занавеска плавно обвисла; из черепа потянулся мутный шлейф, полился по полу к ногам девушки, заполз выше по телу и опоясал искажающим маревом. Теряя сознание, Рита с тихим стоном оперлась на руки и мягко повалилась набок. Шлейф поднялся кверху тонкой струйкой и потек по потолку, как дым на слабом сквозняке, но не в окно, а к круглому зеркалу.

Канарейка прыгнула вниз, чтобы попить воды. Настенные часы с улыбающейся рожицей показывали одиннадцать.

Рита удалялась от реальности и видела, как вокруг сгушалась темнота, стены спальни в башенке изменяли свою форму, в них появлялись двери, возникали очертания другой мебели, окно становилось больше. Все эти метаморфозы пространства происходили плавно, не пугали и не удивляли. В полумраке загорелись два желтых глаза и приближались, увеличиваясь в размере. Послышалось вибрирующее урчание кошки; тихое, приятное, расслабляющее; распевный и вкрадчивый голос удовлетворенно прошептал:

– Посадила птичку в клетку...

– Маня, это ты?

Рита приподнялась, стараясь понять, с кем говорит, но кроме желтых глаз смогла разглядеть только небольшую тень. Черное пятно прищурилось, протиснулось между ног девушки, ступило мягкими лапами на ее живот и прилегло, надавливая тяжестью и согревая. Голос промурлыкал:

– Мы – сфинкс, охраняем феминные тайны и даем мудрые советы.

– А имя у вас... у тебя есть?

– Хозяйка звала нас Кассандра, нам нравилось это имя.

– Значит, это ты помогла мне найти ящик? Парва тебя прислал?

– Мы служим хозяйке.

– Чего он хочет?

– Глаза тени вдруг сделались мутно красными, она закачалась и тихо засипела хрипловатым голосом: – ...*лоно эсен-*

щины будет столь же бесплодно, как иссохший речной ил... материнская утроба будет продаваться, как продается говядина... творение божие – человек – станет творением науки...

– Что за гнусность? – рассердилась Рита. – Ты лжешь! Ты на *его* стороне!

Глаза тени вновь пожелтели, расширились и сверкнули, а сама она вдруг увеличилась и зависла над девушкой. Голос Кассандры зазвучал громче, с акустической глубиной и пространственными отражениями, как храме.

– Мы сфинкс! Мы никогда не лжем и не даем плохих советов!

Рита приподнялась на руках и храбро встретила горящий взгляд.

– Не надейся, что я поверю тебе на слово! И прекрати раздуваться и нависать надо мной! Отвечай, кто такой Дионис Парва?

Кассандра покорно уменьшилась и прошептала:

– Он человек, но в нем нет человека. Так мы чувствуем.

– В чем его слабости?

– В мужском...

– Я умею играть в мужские игры не хуже самих мужчин.

Они уважают силу.

– Фемины женственны и не соблюдают мужских правил, – прошептала тень.

– Вот только не надо уговаривать меня носить розовые

рюши, кокетничать, уступать и делать вид, что я влюблена! Строить глазки – удел дурочек!

Тень закачалась, отвлеченно рассуждая:

– Любовь, что листья – зеленеют, но недолго; опав по осени, валяются в ногах и все желты, сухи, тоскливо мокнут, гниют себе зимой под белым снегом. Питать собою то, что умереть должно – предназначение не твое, хозяйка, это правда.

– Тогда зачем мне твоя женственность? Вести себя по-мужски намного выгоднее.

– Мужское приравняло женственность к слабости. Это обман. Принцесса считает слабость достоинством, королева – недостатком. Ошибаются обе. Женственность – это не слабость, а сила.

– Попробуй это доказать.

– Хозяйка узнает о семи атрибутах женской силы и очнется от пения ночи, – Кассандра поднялась, ступая мягкими лапами через ноги девушки, и напоследок прошептала: – Мы вернемся позже и откроем маленький секрет.

Рита подумала о Диане и вдруг услышала писклявый голос маленького мальчика.

– Ау, принцесса, ты тут?

Глава 3. Радуга любви

– Принцесса, очнись! – Амур вспорхнул к лицу Дианы и старательно заработал крылышками как опахалом. – Ох уж эти нарциссы.

– Бу-бу-бу, я все слышу, – она приоткрыла глаза.

– Ты притворялась!

– Я расстроилась. Мне хотелось сохранить в памяти ангельскую красоту той девушки в зеркале Венеры.

– Ты притворялась, – малыш упрямо насупился.

– Ну да, я иногда притворяюсь, и что с того? Попробуй не врать, когда вокруг тебя сплошные мамины запреты. Ты ведь тоже обманул Венеру, когда взял без спросу ее зеркало.

Малыш испуганно приложил пальчик к губам.

– Ладно, молчу, – Диана мечтательно посмотрела на потолок. – Если я и правда такая очаровательная, то у меня будет целая толпа поклонников. Красивые девушки могут выбирать, кого им любить.

– Юная принцесса ошибается, выбираю я, а не они, – Амур со значением указал пальчиком на свой колчан.

– Вот как? Неужели? – легкомысленно усомнилась она. – Расскажи мне о своих стрелах.

– Ну... – Купидон в раздумье закатил глаза бусинки, – мои стрелы исцеляют людские души.

– Любовь – это лекарство?

– Это дар и одновременно испытание.

– И как его пройти?

– Юной Диане предстоит овладеть силой водной стихии и научиться подчинять мужской огонь, чтобы направлять его в созидательное русло.

– Это, наверно, очень сложно.

– При столкновении полюсов порой не избежать коллизий. Надо следить, как бы не затопить огонь водою насмерть и, превращаясь в пар, не выкипеть самой.

– Я знаю, любви не бывает без страданий и боли, она как сладкий кошмар.

– О, как живуча эта ядовитая идея! – Амур с размаху прилепил ладошки ко лбу и замер, будто грустная кукла.

Диана поднесла руку к лицу, скрывая улыбку. Малыш взлетел, сложил ручки в замок и заговорил, отчаянно сотрясая ими в воздухе, как актер в финальном монологе.

– Кошмары появляются там, где нет сияния! Источник боли и страданий не в любви, а в серости душ! Чем грязнее сосуд, который я наполняю чистой водой любви, тем мутнее и зловоннее становится эта вода! Но когда я ее выливаю, внутренняя поверхность сосуда становится чище!

Амур внезапно успокоился, приземлился на углу кровати и сказал вполголоса, будто боялся, что его услышит кто-то, кроме Дианы:

– Иногда мне попадаются особо черные души. Настоящие Авгиевы конюшни! Там властвует запустение и хаос! От них

разносится смрад, отравляющий жизнь других, – малыш нахмурился и сокрушенно покачал головой. – Лишь бурные потоки полноводных рек способны смыть всю эту налипшую и засохшую грязь.

– Кажется, мне говорили что-то про сияние...

– Чтобы во взгляде женщины заблистала роскошь ее внутреннего мира, ей нужно испытать истинную любовь.

– Никто не сможет объяснить, что она такое, – Диана театрально вздохнула и лукаво посмотрела на Купидона. – Может, маленький бог знает о ней все?

Амур достал из-за спины колчан.

– Истинная любовь похожа на радугу из семи цветов и музыкальную гармонию из семи нот, но каждый отдельно взятый цвет этой радуги и выдернутая из гармонии нота – просто яркая полоса и монотонное гудение. Посмотри на мои стрелы.

– Они разноцветные.

– Их семь, и каждая обладает уникальным свойством одного из самоцветов Гептады.

– Причем здесь драгоценные камни? Ты сказал, что это Совет богинь.

– Названный именем золотого венца – Гептады. Передняя часть этого могущественного украшения похожа на цветок с шестью лепестками. В разные периоды жизни женщины в центре-глазке оказывается один из семи камней – одна из богинь занимает главенствующее положение в Совете.

В юности решающий голос получают амазонка Артемида и дочь Кора; за ними целеустремленная воительница Афина; после рождения первого ребенка начинает править мать Деметра. Афродита может пробудиться от любви очень рано, занять место в центре и нарушить порядок вещей, но на помощь приходит прагматичная жена Гера, а с возрастом и мудрая волшебница Гестия; с их помощью Афродита престаёт быть возмутительницей спокойствия и превращается в музу.

Однажды заняв центр Гептады, каждая из богинь пробуждается в женской душе и получает равные права с остальными; возникают внутренние связи, объединяющие семь частей в одно целое – фемину, своевольную и кроткую, воинственную и нежную, сумасбродную и расчетливую, мудрую и любящую. В этом чудесное содержание женской загадки.

– У каждой богини есть свой камень?

– Семь богинь Гептады управляют силой семи магических самоцветов и покровительствуют семи видам любви, каждый из которых я могу пробуждать одной из семи стрел. Рубин ты уже видела и ощутила на себе его волшебную силу.

– Рубин?! Он же в кольце у Диониса!

Мальчик устало отмахнулся маленькой ручонкой.

– Оставь рубин для Маргарет.

– Она заберет его?

– Камни Гептады нельзя купить, украсть или отнять. В мужских руках эти атрибуты женской силы и без того слабе-

ют. Их нужно получить в дар, иначе они утратят свою магию.

– А у мужчин тоже есть боги и камни?

– Есть, но их боги покровительствуют шести видам разума: разрушительному, интуитивному, властному, творческому, логическому и мистическому. Седьмого, любящего разума нет, как нет огненного льда или яркой тьмы; любящий разум такой же странный, как прагматичная любовь – он не разум, а она не любовь; они как два зеркала напротив друг друга, создают бесконечные коридоры... порталы, соединяющие несоединимые миры.

– У мужчин нет бога любви? А как же ты?

– Я вечный младенец, – сокрушенно вздохнул малыш, – какой из меня бог...

– Самый настоящий! – убежденно воскликнула Диана.

– И самый маленький. Мужчины преуспели в познании логических связей, но в сфере любви понимают мало и вынуждены соблюдать правила женского начала. Поэтому они и прокляли Пандору, когда узнали, что любовь способна сокрушать прочнейшие конструкции разума. Ведь любовь – это магия женского мироустройства, та самая женская логика, в которой нет примитивной рамочной логики.

Амур провел пальчиком по торчащим из колчана стрелам, как по струнам арфы. Воздух завибрировал звуками радужного света и наполнился чудесными запахами.

– Волшебство!..

– Это Радуга любви.

– Как на флаге ЛГБТ?

Малыш в отчаянии схватился за голову и запричитал:

– Сумерки и радуга не имеют ничего общего!

– Не понимаю, причем здесь сумерки?

– Между мужчиной и женщиной, как между днем и ночью, есть узкая полоска сумерек.

– Терминатор?

– Что это? – малыш удивленно хлопнул глазками.

– Ну... он уничтожает человечество.

– Еще как уничтожает! Сумерки лежат на границе между светом и тьмой, в них нет радужной гармонии, – малыш приуныл и грустно пожаловался: – Поругание вечного символа смахивает на безумие или тайный умысел.

– Пожалуйста, не переживай так, – у Дианы появилось искренне желание успокоить малыша. – На том флаге не настоящая радуга, в ней всего шесть цветов.

– Там не хватает синего цвета Геры, богини брака. Обычная семья – вот что ненавидят те, кто окружает романтическим ореолом пляску сумеречных теней.

– А, по-моему, там нет голубого, хотя в английском его тоже нет.

– Цвет сумерек серо-голубой, но никак не радужный! – малыш окончательно расстроился и замолчал.

– Иди ко мне, мой маленький бог, я тебя пожалею.

Малыш с грустным видом остался в углу кровати.

– Мир дуален, но между противоположными полюсами

всегда есть размытая граница; между огнем и водой есть дым, между землей и воздухом – пыль, между воздухом и водой – пена. В нейтральных переходах таятся маленькие миры оттенков светотени. Палитра *homo*s однотонна, но желает выглядеть пестро, поэтому и прибегает к обману.

– Если природа так все устроила, значит, сумерки имеют право на существование.

– Сумерки – это щель между мирами, – малыш подполз к Диане и лег пухлой щечкой на ее плечо, – эта щель не должна расширяться, иначе полюса обрушатся в пропасть и тогда наступит Хаос.

– Маленький философ, – она погладила его по кудрявой голове, – ты опять завел меня в свою космическую бездну. Лучше расскажи мне о настоящей радуге из семи цветов.

Малыш торопливо влетел и с серьезным видом достал из колчана пурпурную стрелу.

– Смотри, это Эрос или Страсть, красный цвет радуги, а в музыкальной гармонии – первая тоническая нота звукоряда. Чувственное влечение и желание – это основной тон мелодии любви. Но если вырвать Страсть из радуги, как кроваво-красную розу из букета, то она превратится в зависимость от идеала, голодную стихию всепожирающего огня, агрессивного в жажде обладания. Чистая страсть, это обоюдоострое оружие! Стихия! Пожар эмоций и чувств, оставляющий в душе пепелище. Страсть разрушительна и беспощадна ко всем, кто смеет создавать себе кумиров.

– Я хочу рассмотреть стрелу поближе.

– Только осторожно! Это подарок Артемиды, римляне называли ее Дианой-охотницей, – Амур плюхнулся на кровать, подполз, уселся рядом и провел ладошкой над красным острием. – Смотри.

Наконечник преобразился в каплевидный рубин-кабошон с шестью лучами.

– Ах, какие чудесные переливы! Звезда внутри, как живая! Она двигается! Это камень Артемиды?

– Его частичка, но она похожа на самоцвет Гептады – камень Страсти, шикарный звездчатый рубин, каплю крови дикой амазонки. В объятиях ночи он горит при освещении, даже самом скудном! В нем пламя чувственное дышит, и шесть лучей холодной стали, из центра испуская острый блеск, пронзить готовы плоть и душу.

– Рубин влажный, на нем капельки, – в расширенных глазах Дианы загорелся восторг, – они испаряются с поверхности.

– Он теплый, может стать горячим; тогда вся влага выкипает вмиг, едва коснется огненного глянца, – Малыш поднялся и продекламировал: – Струятся рек подземных воды, стихия девственной природы несется к водопаду страсти и, оказавшись в его власти, горит на солнце как жар-птица! В ней ярость дикой кобылицы, мелодий буйных совершенство, симфония любви главенства, экстаз и вечный миг блаженства!

Диана, околдованная магией рубина, зашептала с придыханием:

– Ах, он завораживает, манит...

– И, возбуждая чувства, плавит разум! Сопротивляться невозможно! Рубин не признает полутонов! Возносит к небесам или ввергает в ад! В нем дикой грации изгибы, строптивость и огонь гневливый, инстинкт, основа, корень жизни.

– Острые как будто переливается пламенем внутри, – Диане захотелось потрогать волшебный наконечник, она потянулась к рубиновой капле.

– Не прикасайся! – мальчик испуганно спрятал стрелу за спину.

Диана отдернула руку; на щеках ее пылал яркий румянец, в глазах горело искушающее любопытство.

– Мне жутко интересно...

В тоне девушки слышались нотки извинений, но мальчик рассердился не на шутку.

– Ты самая любопытная и неосторожная девушка на свете! Пандора собственной персоной!

– Ах, так?! – вспыхнула Диана. – Все твои хвалебные речи – ложь? Ты сравнил меня с той, которую проклинали за пустое любопытство?

– Ой, ой! Это рубин подогрел наши эмоции, – запричитал малыш, – даже я поддаюсь его могущественным чарам.

– Ты назвал меня Пандорой!

Мальш бухнулся на колени, сложил ладошки и торопливо запричитал:

– Как печально, что древнегреческие мифы местами переврали божественную суть! Пандора получила в дар магнетическую силу и неземное очарование, но не сразу поняла, каким могуществом обладает. Не умея правильно пользоваться этими дарами, она выпустила свои чары на волю так скоро и неосмотрительно, что помутила разум мужчин и внушила им страх перед любовью! Безумцы! Они испугались хрупкой женщины, когда поняли, что ее очарование сильнее, чем их мускулы! Я назвал тебя именем Пандоры, потому что она была ослепительно красива и также неосторожна. Я хотел уберечь юную Диану от опасности! Ведь ей, как и первой женщине на Земле, следовало знать, что с божественными подарками следует обращаться осторожно, – Амур поджал губы-вишенки, и заморгал, преданно поглядывая на девушку.

Диана сдержала улыбку, стараясь оставаться серьезной, но взгляд ее смягчился, голова наклонилась к плечу.

– Почти убедил.

– А я вообще очень убедительный, – нагло заявил мальчик и живо поднялся с колен.

– Решил, что уже прощен?

– Я?! – Амур суетливо вспорхнул в воздух и завис над девушкой, как колибри.

– Жду рассказа о стрелах, – напомнила Диана.

Мальчик достал из колчана вторую стрелу и преподнес ее

на вытянутых руках, как меч при посвящении.

– Эту стрела для тебя не опасна.

– Оранжевая, – Диана осторожно провела пальчиками по стержню, – какая гладенькая. Из чего сделан ее наконечник?

– Это частичка радужного опала Кору-Персефоны. Ее самоцвет – обитель вечной юности, девичья реликвия, чистота и невинность, восприимчивость и податливость, пассивность и зависимость. В этом самоцвете скрыт подземный огонь бессознательности, в нем спонтанность эмоций, чувств и сексуальная энергия, этот камень – искушитель тайных желаний.

– Мне нравится эта стрела.

– Это Людус – влюбленность. Вводная чувственная нота, музыкальный неустой, тяготеющий в соседние тона; феерия сочных эмоций; стремление к получению удовольствий, соревновательный азарт, пикантность флирта. Тех, кто воспринимает любовь как игру или состязание, желает только получать и потреблять, ничего не отдавая взамен, эта стрела наказывает за эгоизм. Их увлечения скоропостижны, как Страсть, но отличаются мелководьем чувства. Рано или поздно сквозь шелуху испытанных наслаждений прорастает скука и покрывает души опаловой ржавчиной.

– Не понимаю, как можно пресытиться удовольствием.

– Смотри, – малыш отсоединил наконечник от стрелы и положил на ладонь Дианы каплевидный опал кабошон.

– Какой красивый, внутри него клубятся огненные облака.

– Опал капризен, не выносит нагревания, при высыхании растрескивается, от влаги может набухнуть, а в грязной воде теряет свою чистоту.

– От него исходит пьянящий горьковатый аромат!

– Это пахнет не камень.

Над кабошоном прямо в ладони Дианы появился нежный благоухающий нарцисс и склонил к камню свою бархатную коронку, слегка подрагивая лепестками. От прикосновения цветка внутри опала ярко вспыхнули искры, просочились наружу и выступили на его поверхности янтарными капельками меда.

– Нарциссы... западня для юности беспечной, – тихо проворкотал Амур и сделал пасс ручкой тайком от девушки.

Нарцисс превратился в краба и щелкнул клешней над опалом.

– Ай! – Диана бросила камень вместе с крабом на постель и сделала брезгливую гримаску. – Откуда он взялся?!

Краб завертелся вокруг кабошона в замысловатом танце. Опал стал бледнеть, уменьшился до маленького огонька и, ловко подхваченный клешней, исчез где-то под панцирем, как у фокусника под плащом.

– Он украл камень!

– Это отшельник, хранитель обломка Гептады, он питает слабость к опалам, умеет притворяться влюбленным цветком, но, как и все нарциссы, не любит никого, кроме себя, – мальчик спустился пониже и щелкнул краба по темно-жел-

тому панцирю. – Коварный воришка.

Отшельник на секунду съежился, тут же встрепенулся, шустро попятился боком и исчез, блеснув похищенной опаловой искоркой. Малыш проводил его взглядом.

– Спасибо за представление. Беги, ищи свою Актинию, – он посмотрел на Диану и подмигнул. – Знаешь, у каждого краба есть своя актиния, которая спасает ему жизнь.

– За какое представление ты его поблагодарил?

– То, что ты видела – не случилось, – уклончиво заявил Амур, – но может произойти, если юная Диана будет беспечна и легкомысленна.

– Вы с крабом меня обманули?

– Ты узнала правдивую историю о коварном похитителе обломка Гептады, познакомилась с отшельником, увидела самоцвет Коры, почувствовала его волшебное очарование, утратила девичью реликвию... понарошку. По-моему, это не очень похоже на обман, это был познавательный розыгрыш.

– Ладно, я поняла, – она поджала губы, – с тобой надо быть осмотрительной.

– Тем более с ворами, – наставительно поддакнул малыш.

– Ой, а куда он делся? – забеспокоилась Диана, вспомнив про краба, – Заполз в мою подушку?

– Он же отшельник! – мальчик заливисто рассмеялся. – Он не согласится жить в твоей подушке за все дары моря! Он коллекционер, краб охотник! Атакует клешнями, пятится назад и тащит свою жертву в нору, а если борьба неравная

– зарывается в песок.

Диана смущенно улыбнулась, глядя на хихикающего крапузу.

– Краб любитель опалов... никогда бы не подумала. А почему именно он хранит осколок?

– Он пальмовый вор, лазает, подрезает черенки и тащит кокосы, расколовшиеся от падения, в свою нору. Собирать обломки, это его наказание за воровство. Когда Гептада была сломана, он утащил осколки опала Коры и продолжает собирать их до сих пор; для него это что-то вроде азартной игры. Из расколотых крабом орехов выпадают опаловые песчинки и забирают в себя часть жизненной силы самого отшельника. Похищая опаловые искорки, он растрчивает себя на маленькие фрагменты.

– Значит, он все-таки украл самоцвет Коры?

– Молодому крабу это не по силам, он ворует только маленькие осколки, но взрослый краб может завладеть опалом.

– Ах, мне понравился этот самоцвет, – с придыханием сказала Диана. – Как его найти?

– Три самоцвета – опал дочери Коры, изумруд матери Деметры и сапфир супруги Геры сами найдут юную принцессу. Эти реликвии имеют четные номера: вторая, четвертая и шестая. Вместе они образуют минорное трезвучие, построенное от опаловой ноты – второй ступени звукоряда; это аккорд зависимых богинь.

– Это мой аккорд, – сладко прошептала Диана и томно

вздохнула. – А у Маргарет есть свой аккорд?

– Ее трезвучие построено от рубина, оно мажорное, в нем только нечетные ноты: первая – рубиновая нота охотницы Артемиды, третья – топазовая Афины воительницы, пятая – аквамаринная Афродиты музыки. Если к этому трезвучию добавить седьмую ноту – аметист духовной наставницы Гестии, то получится большой мажорный септаккорд независимых богинь. Самоцветы из этого аккорда добыть непросто, это задача для Маргарет, – Амур дотронулся до стрелы пальчиком, подождал, пока опаловый наконечник появится вновь, и убрал стрелу в колчан. – Теперь юная принцесса понимает, что женщина – это музыка?

– Не знаю... мне сложно понять. Расскажи еще, например, про желтую стрелу.

– У-у-у, – протянул Амур с интонации жадины, прячущей конфетку за спину, и стал водить пальчиком по ноге Дианы, – если я начну рассказывать обо всех моих стрелах, у нас не хватит вре-е-мени, а нам ведь еще надо приступить к следующему этапу пробуждения – освоить полет девичьей души.

– А куда мы полетим?

– К океану, конечно же, к океану.

– На побережье Лос-Анджелеса мало пляжей, где... – она вдруг заметила, что Амур увлекся прикосновениями.

– Где не ступала пара твоих ног, – задумчиво продолжил мальчик, не замечая, что Диана за ним наблюдает.

– Нравятся мои ноги?

– Мне?! – он одернул руку, растерянно посмотрел на девушку, но сразу нашелся. – Тебе надо потренироваться летать, доверься и возьми меня за руку.

– А остальные стрелы? Ты про них расскажешь?

– Расскажу, только не в этом сне.

– Хорошо, я согласна, – Диана спустила ноги на упавшее одеяло и сонно потянулась. – Ах... как хорошо! Ой, мне надо одеться, не полечу же я раздетая.

– Полетит твоя божественная суть, а одеждой станет твоя добродетель.

– Меня примут за ведьму на метле!

– На метлах и в ступах летают только злобные колдуньи, – терпеливо начал объяснять Амур, – они строят козни во тьме, колдуют на крови и хохочут на костях мертвых; для них магия – средство обогащения, разрушения и превосходства. Добрые ведьмы летают на крыльях и обитают в лунном свете; они хранительницы знания о природных ритмах глубинной женственности, центрах ее силы и источниках восполнения энергий; знания о том, как направлять течения, сливаясь с ними. Ведуньи трудятся душой для поддержания жизни, творят бескорыстную магию исцеления, заботы, роста, любви, они не колдуют, они ведают о том, что единая Богиня дремлет в каждой из своих дочерей.

В вашем мире знание о божественности женского начала убивают еще в девочке; нежный цветок сажают в горшок как

в темницу, юное теряет связь с ритмами природы и впитывает ядовитую ложь, которой поливают спутанные корни. Те девушки и женщины, которым удалось вырваться из своих темниц, сохранили свою преданность Матери всего сущего, унаследовали ее созидательную силу и остались на светлой стороне ради поддержания жизни; они все еще помнят о тех временах, когда бог был женщиной.

– Я знаю, бабушка мне рассказывала, – она тряхнула головой и начала колыхаться вперед-назад, сидя на кровати и глядя в одну точку. – Мне захотелось стать ведьмой!

– Качание над бездной, – в ужасе прошептал мальчик.

Диана спокойно посмотрела на Амура, затем вдруг выхватила рубиновую стрелу из его колчана и стала размашисто чертить ею в воздухе. В комнате запылала большая пятиконечная звезда, заключенная в круг. Диана полюбовалась своим рисунком, постукивая рубиновым наконечником по ладошке, и сказала:

– Это Порядок. Человек стоит на Земле так, как было задумано; его окружает аура – сфера души; ноги опираются на опыт прошлых ошибок, а голова, как антенна, обращена к космической мудрости высших сил. Порядок, это положение развития, а это, – она повернула звезду острием вниз, – Хаос. Голова утоплена в нечистотах грехов, а пах обращен к небу; в этом положении человек не способен воспринимать божественные сигналы от высших сил, это состояние деградации.

Диана вернула звезду в начальное положение и коснулась

ее оперением стрелы – огненный рисунок растворился в воздухе. Улыбаясь, как сама загадка, девушка протянула мальчику рубиновую стрелу.

– Спасибо, малыш, возьми ее обратно.

– Ты трогала рубин! – он в испуге провел ладошкой по круглому лбу.

– Ну и что? Ничего страшного не случилось.

– Тебя спасла от страсти Маргарет, она ослушалась отца и уже открыла ящик, осталось только... – он не договорил.

– Что?

– Неважно, то есть...

– Не юли, – мягко, но настойчиво потребовала Диана.

– Божественный замысел нельзя раскрывать раньше времени, – Амур приподнял уголок рта навстречу нахмуренной брови и почесал кудрявый затылок. – Можно только давать подсказки.

– Я слушаю.

– Эта стрела, она... острее воли, способной пробивать тоннели в препятствиях между мирами. Не спрашивай больше, – малыш заморгал глазами-бусинами, – передай Маргарет, что путь магии требует ответственности и самодисциплины. Стать ведьмой, а не деструктивной колдуньей может только настоящая фемина; она соблюдает Закон о великих началах и видит в мужчине равного партнера, противника в борьбе на пути к единству, но не врага! – малыш многозначительно поводит указательным пальчиком перед лицом

Дианы.

– Мы еще посмотрим, кто друг, а кто враг.

– У-у, вы уже здесь, королева Маргарет, – опасливо протянул малыш, втягивая голову в плечи. – Простите, что я не сразу догадался.

Примечания

* Авгиевы конюшни – обширные конюшни царя Авгия, которые не чистились 30 лет. Герой, древнегреческой мифологии – Геракл, отвел воду двух рек и направил в конюшни, смыв, таким образом, все нечистоты. Иносказательно выражение «Авгиевы конюшни» означает загрязнённое, захламлённое место, которое требует настоящей уборки.

* Пандора – (др.-греч. «всем одарённая»), в древнегреческой мифологии – первая женщина, созданная по велению Зевса в наказание людям за похищение для них Прометеем огня. Любопытная, она открыла полученный от Зевса сосуд (пифос), или ящик Пандоры, из которого по миру разлетелись беды и напасти, а под захлопнутой крышкой на дне осталась одна надежда.

* ЛГБТ – сообщество лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Интернациональным символом ЛГБТ-сообщества, является радужный флаг (также известный как Прайд-флаг), состоящий из шести продольных полос, цвета которых, идут в соответствии с природным порядком радуги

сверху вниз: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, синий и фиолетовый.

* *homos* – (греч.) равный, одинаковый, часть сложных слов, означающая: сходный, принадлежащий к одному и тому же (например, гомогенный, гомосексуальный).

* Сумерки – щель между мирами. Карлос Кастанеда. Учение дона Хуана.

* Артемида (др.-греч. Артемис; у римлян Диана) – в древнегреческой мифологии девственная, всегда юная богиня охоты, богиня плодородия, богиня женского целомудрия, покровительница всего живого на Земле, дающая счастье в браке и помощь при родах, позднее богиня Луны (её брат Аполлон был олицетворением Солнца). У Гомера – образ девичьей стройности, покровительница охоты.

* Кора (от др.-греч. «девушка», «дева») – имя богини Персефоны, которое она носила до того, как стала женой Аида и царицей подземного царства, а также впоследствии в течение тех двух третей года, которые она проводила со своей матерью Деметрой.

* Людус – один из первичных видов любви. Любовь–игра.

Глава 4. Башня и дворец

Улыбающиеся часы в башенке показывали половину двенадцатого, когда девушка, лежащая на полу, открыла глаза и увидела перед собой испуганное лицо женщины.

– Тебе плохо? Как ты себя чувствуешь?

– Я в порядке, это все шутки маленького мальчика.

– Уф, ты меня напугала! Поднимайся. Если не выспалась, ложись на кровать.

– Нет, я... – девушка вдруг увидела часы с улыбающейся рожицей и с интересом оглянулась вокруг, – я была тут в прошлый раз, это спальня королевы!

– Рита, хватит, это не смешно.

– Меня зовут Диана Гарднер, – просто сказала девушка, – а вас как?

– Меня? Я твоя... я мама Риты, Полина Уланова, – она вдруг спохватилась и бросилась помогать. – Дианочка, поднимайся, ложись на кровать. Хочешь чего-нибудь попить? Соку, минералки? Может, чаю или кофе?

– Нет, я же во сне... Ой, птичка! – вдруг воскликнула она, увидев канарейку, и с восторгом взглянула на Полину. – Она улетела из моей комнаты в Лос-Анджелесе! А я подумала, что малыш меня обманул. Оказывается, не обманул.

Полина неохотно поддержала странный разговор, участливо глядя на дочь и с болью думая о том, как Диана отреа-

гирует на аллергию Риты.

– Птичка залетела в башню сегодня утром.

– Это та самая башня, в которую хотели заключить принцессу? – Диана снова оглянулась. – Я думала, будет хуже... мрачнее, а тут уютно, и вы кажетесь мне доброй. Почему у злой девочки добрая мама?

Полина растерялась от такого вопроса, но Диана вдруг догадалась сама.

– Наверно, нас перепутали, поэтому у доброй девочки мама злая, – Диана прошла по комнате, присела на кровать и взяла в руки книгу. – Стихи Пьера де Ронсара! О, как подобна ты другой, пенорожденной... В прошлый раз были мемуары Маргариты Наваррской, – Диана вдруг сделала неприступное лицо и передразнила манерность Риты: – Находить удовольствие в лести, это общий порок женщин. Я более ценю свою уникальность, чем восхищение льстецов.

– Да уж, самовлюбленная, не отнять, – Полина с мучительной жалостью посмотрела на дочь, сделала шаг вперед, чтобы ее приласкать, и вдруг задела ногой кошачий череп. – Что за несносная выдумщица эта Рита! – посетовала Полина, убирая череп в ящик и заталкивая его под кровать, – Дианочка, ты тут осматривайся, а мне нужно ненадолго отлучиться. Я быстро. Не стесняйся, пожалуйста, ты у себя дома.

Полина торопливо спустилась на первый этаж, взяла с комода в прихожей свой мобильный телефон и набрала номер мужа.

– Марк! Диана у нас дома! Также как в детстве! – без предисловий выпалила она.

– Полина, я на работе, – строго ответил Марк.

– Ты не понял...

– Нет, я понял, а вот ты золотко мое не понимаешь, – мягко, но настоятельно перебил он. – Я на работе. Поговорим вечером.

– А, извини, – осеклась Полина. – Я тогда...

Она не успела договорить и замолчала, Марк прервал звонок. Полина нахмурилась и пробормотала:

– Ладно, Уланов, потом не упрекай меня, что я сделала не так.

Служебная «Волга» из гаража федерального ведомства миновала улицу Сретенка, нырнула под эстакаду Садового кольца и выехала на проспект Мира.

– Прокатимся со спецсигналом, Марк Борисович? – спросил водитель, заметив досаду своего начальника из-за стояния на светофоре. – Вижу, торопитесь.

– Нет, за мигалками сейчас идет охота. Остановят, потеряем время, придется объяснять начальству, куда и зачем спешил.

– Неприятности дома?

– Павел, ты не отвлекайся, думай, как нам быстрее доехать.

– Виноват, Марк Борисович, – водитель прибавил скорость и сосредоточился на дороге.

Марк Уланов редко торопился в чем-либо и куда-либо. В его понимании любая вынужденная спешка являлась следствием бездарного планирования или искусственного аврала, из-за которого ресурсы выделяются сверх меры, тратятся расточительно, успех более значим, а вероятность повышения по службе удваивается. Об этой уловке расхитителей и карьеристов, продвигающихся по службе в режиме цейтнота, спровоцированного их же бездействием, и получающих награды за подвиги, которые в плановом рабочем ритме не пришлось бы совершать, Марку рассказывал его отец, полковник Борис Уланов. Вспоминая эти наставления, сын размышлял и сомневался.

Все ли он сделал для того, чтобы появление Дианы не стало неожиданностью? Пожалуй, не все. Поэтому и вынужден теперь срываться и ехать домой в середине рабочего дня. А что, если Полина ошиблась? Нет, исключено. Здравомыслия ей не занимать. Она оказалась права. Надо было взять Риту в Лихославль сегодня же, не теряя ни минуты.

Марк вспомнил, как в ноябре 1991 года приехал к Божане в первый раз. Поводом стало письмо отца, найденное после его смерти. В этом письме, адресованном сыну, отставной полковник просил исполнить его последнее желание – передать знахарке Божане Афанасьевне Вишневецкой из деревни Глуховка Лихославльского района Тверской области, что он,

Борис Уланов, уходит с осознанием сделанных им ошибок и просит не держать на него зла. Текст письма был написан ужасным почерком – к концу жизни полковник был ограничен в движении и почти не вставал с кровати.

Божана приняла Марка сдержанно, выслушала молча и сказала:

– Хорошо, что приехал. Родителю облегчение и сыну польза. Жена твоя зачала, роды тяжелые будут. Если я не вмешаюсь – не выживет она, потому как дитя в ее утробе озлобленное. Твоя жена тут ни при чем. Вина на другой матери, она согрешила – душе в плод сойти не дала; а душа та особенная... ну да я тебе потом скажу, когда снова ко мне приедешь.

– Когда потом?

– А это тебе решать. Как живот у молодой матери завиднеется, так ко мне и приезжай. С ней, стало быть, приезжай, пока она ходить способная будет. На сносях-то ей невоготу станет, да и врачи не пустят.

Марк не ответил, но с сомнением покачал головой. На его молчаливое недоверие Божана ответила вызывающе:

– Уговаривать не стану! Сам ко мне приедешь и просить будешь!

Уланов уехал из Глуховки с надеждой и тяжелыми предчувствиями. Возможная беременность супруги его обрадовала, но недомолвки насторожили; «душа особенная...», «я тебе потом скажу». Марку показалось, что Божана имеет ви-

ды на ребенка, который еще не родился. «Что она задумала?» – этот вопрос не имел внятного ответа до сих пор.

После встречи с Божаной аналитический ум Марка усиленно заработал, но констатировал стандартную ситуацию, в которой правильное решение не может быть принято из-за недостатка информации. Чтобы ее пополнить, Уланов в тот же день заехал в соседнюю деревню и аккуратно расспросил местных жителей.

– Как проехать до Глуховки? Слышал, там живет знахарка. Что о ней люди говорят?

О Божане говорили хорошо, но с опаской; называли княгиней, советовали с пустыми расспросами к ней не ходить и не врать, мол, выгонит сразу, а если забота или хворь какая есть, то поможет и денег не берет; к ней лучше с продуктами идти или по хозяйству помочь. Говорили, что Божана живет одна, мужа и детей у нее нет, ни родных, ни приемных.

Люди Марку попадались в основном добрые, открытые, и лишь двое – мужичонка ушлого вида с беззубой бабой в синяках замялись, попросили деньгу на самогон и настращали:

– Ведьма она! Черная княгиня. Хвори нагоняет, чтобы люди к ней шли и подарки несли. За них и лечит, а с пустыми руками придешь – проклянет!

В тот же день по пути домой Марк решил, что не повезет супругу к знахарке.

Полагать, что Диана не заметила череп, о который споткнулась Полина, могли бы только глухие и слепые камни, лежащие где-нибудь на побережье Мадагаскара.

– Уважающая себя девушка просто обязана быть... нет, не любопытной, а любознательной, иначе она рискует оказаться в неведении, – Диана заглянула под кровать, выдвинула ящик и с опаской взяла в руки кошачий череп.

Взгляд ее затянуло в пустоту глазниц, девушке показалось, что в них появились желтые глаза и блеснули, словно магические камни. От испуга Диана уронила череп, из него со звонкимбряканьем вывалился ключик. Рядом послышался вкрадчивый голос:

– Беды уже выпущены, на дне осталась только надежда.

Диана увидела кошку и улыбнулась. Маня с меланхолическим видом вылизывала свою лапу.

– Как это мило – в моем сне даже киска умеет говорить.

Диана заглянула в ящик, он был пуст, дно отличалось цветом от стенок. Она перевернула ящик, нашла маленькую замочную скважину и ощутила неравномерность веса. Дно было тяжелее и оказалось крышкой на петлях.

– Это какой-то реквизит фокусника. Чудо ящичек, что же ты прячешь?

Она вставила ключик в маленькое отверстие; поворот, тихий щелчок, крышка поддалась. В потайном отделении лежала книга в переплете из фиолетового бархата, на ее обложке была изображен спиральный узор.

– Это же Дипло Астери!.. – восхищенно прошептала Диана и осторожно открыла книгу.

На форзаце была нарисована перевернутая пятиконечная звезда в круге; строки на титульном листе состояли из сложных и непонятных символов, переплетающихся между собой витиеватыми вензелями, будто клубки змей. Диана с интересом вглядывалась их немислимые переплетения; ей вдруг показалось, что они зашевелились и зашипели. Она вновь испугалась, захлопнула книгу и бросила ее на пол.

Кошка тревожно мяукнула. За дверью спальни послышались звуки шагов. Диана быстро толкнула книгу под кровать. В комнату вошла Полина.

– Доченька, как ты тут? Осваиваешься? Что это за ящик? Постой, а не его ли искала Рита? Ох, что мы вытворили с ней в чулане сегодня утром!

Полина хохотнула и принялась рассказывать о пыльных приключениях, а когда упомянула неподъемный сервант, Диана неожиданно пояснила:

– Маргарет искала вход в пещеру под валуном, а потом ключ. Она не увидела неразборчивые числа за кострами и плясками ночных теней, ей помогла Маня, – Диана кивнула на кошку.

Полина заволновалась.

– Дианочка, пойдем на воздух? Погода замечательная! Солнышко, ветерок. Покажу тебе мои грядки, ягодные кусты, сад с яблонями и сливами. У меня даже облепиха есть.

А какие у меня цветы! Закачаешься. Ну что, пойдем?

Полина замерла, глядя на дочь, и просияла, когда та солнечно улыбнулась и кивнула с наивным интересом в глазах. Они спустились вниз и вышли в сад. Кошка оставила свой пост около клетки с птичкой и побежала за ними.

Количество труда, вложенного в маленький участок плодородной земли, ошеломили Диану.

– У нас тоже есть сад, – щебетала она, – только там все устроено для красоты и отдыха, а тут домашний магазин овощей и фруктов! Круто! А спаржа есть? Нет? А она тут вырастет? Ой, это зеленый лук? Никогда не видела лук в земле. Здесь морковка? Настоящая? Наверно, такая же малюсенькая, как эти листики. Она правда вырастет? Я бы хотела выдернуть одну, помыть и сразу съесть. А тут что за растения? Кабачки? А какие они будут, когда вырастут?

– Ну, это как цукини, только зеленые, – Полина с удовольствием провела коротенький гастрономический экскурс: – Итальянцы взяли кабачки, которые выращивали мексиканские индейцы, и вывели цукини... селекцией, как Мичурин, а потом завезли обратно в Америку. Вот так. У вас итальянские цукини, а у нас мексиканские кабачки!

Интерес дочери к дачному хозяйству радовал Полину и создавал у нее иллюзию прозрения Риты, которая никогда не скрывала своей неприязни к «ковырянию в земле» – так она называла огородничество. Рита никогда не уклонялась от работы, но давала понять, что отбывает повинность.

Диана подошла к одной из деревянных конструкций на треноге.

– Зачем нужны эти мольберты?

– Рита стреляет по ним из лука. Прикрепляет листы с нарисованными мишенями и стреляет... вон оттуда, – Полина замялась и неодобрительно добавила: – Опасное это дело, лучше пойдем, покажу тебе цветы. Правда, там пока только росточки, я их недавно посадила.

Спустя полтора часа к дому подкатила машина Марка. Никто не ожидал его появления, поэтому он вошел незамеченным и застал жену с дочерью в огороде; они сидели на корточках, мило болтали и пропалывали грядки. Марк прислушался.

– Дианочка, ты правда знаешь все, что делала Рита?

– Да, у нас с ней общая память.

– А что Рита сейчас делает?

– Сейчас не знаю, но узнаю потом. Эти тоже выдергивать?

– Да, это сорняки. Не знаешь, зачем Рита искала тот ящик с черепом?

– Это оберег, но теперь он сломан, – Диана неожиданно вздрогнула и воскликнула: – Оберег приглушал мое свечение! Я увижу мою красоту? – Она замерла, и в этот момент услышала тихую музыку. – Кажется, телефон звонит.

Полина прислушалась, подняла голову к открытому окну и равнодушно отмахнулась.

– Это у Риты.

Телефон звонил настойчиво. Кошка вдруг громко завывала.

Диана спокойно сказала:

– Маня говорит, что нужно подойти, это звонит Рита.

Полина забеспокоилась, поколебалась несколько секунд, поднялась и побежала в дом, торопливо сказав на ходу:

– Дианочка, побудь тут, я быстро.

Марк подождал, пока она не скроется, и вышел из-за ку-стов. Диана обернулась на звук шагов.

– Папа? У нас теперь общие сны?

– Сны? Нет, я приехал с работы, – он подошел и опустился рядом. – Здравствуй, Диана, как ты себя чувствуешь?

– Все хорошо, – беспечно отвечала она, продолжая выдергивать сорняки, – а у тебя как дела? Во сне твоя борода кажется длиннее.

– Это не сон... ты сейчас в доме Риты. Полина ее мама и твоя тоже.

– Я знаю, у меня теперь две мамы, – беспечно сказала она и пристально посмотрела на отца. – Ты мой второй папа или первый?

Марк ответил не сразу.

– Второй... Как здоровье твоей бабушки?

– У Мариэн все хорошо, ее внутренние богини живут в полном согласии.

– Ты ее любишь?

– Очень. Я и папу с мамой люблю, но папу больше. Мама

хорошая, но она считает меня сумасшедшей; не знает, что я особенная, – скромно сказала Диана.

– Диана, скажи, это первый сон или ты уже была здесь?

– Да, вчера, – сообщила она, оглядывая грядку, – или сегодня, я уже запуталась. Я была на экскурсии в библиотеке, меня похитили и заточили в башню, чтобы я не влюбилась в чудовище. Но мне тут нравится. Не думала, что в огороде может быть так интересно, тут много всяких полезных растений, и за всеми надо ухаживать, поливать водичкой.

Диана была так естественна и проста, так ангельски скромна и послушна, что Марк невольно расчувствовался. В его глазах аллергическое пятно на лице дочери уже не было наказанием за ее гордыню, а стало вопиющей несправедливостью. В отцовской душе вдруг всколыхнулись сентиментальность и жалость, возможно, впервые за семнадцать лет. Взгляд его повлажнел, он украдкой протер глаза и заставил себя собраться.

– А где сейчас ящик, который нашла Рита?

– На полу около кровати.

Диана хотела сказать отцу про гримуар, но не успела – на пороге дома появилась Полина.

– Марк! Ты почему не на работе?

Он в замешательстве пригладил волосы от лба к затылку и ответил:

– Потому что ты звонила.

– Ты же сказал... – она мельком взглянула на Диану, затем

на мужа и со значением сказала: – Вообще-то у нас тут снится сон, поэтому и удивляться нечему. Минуту назад из Лос-Анджелеса звонила Рита и советовала тебе подумать, как ее задобрить. Она жутко разгневана.

– Что?! Разгневана?! – Марк сжал губы и задвигал бровями, яростно озираясь по сторонам, будто хотел что-нибудь сломать, и вдруг резанул: – Мы с Дианой сейчас же поедem к Божане!

Полина опешила и переглянулась с дочерью. Марк, не заботясь об их реакции относительно его решения, молча зашел в дом.

– Она колдунья или ведьма? – поинтересовалась Диана.

– Ой, не знаю, доченька, – с паническим придыханием ответила Полина и побежала в дом вслед за мужем. – Марк! А как же... Постой! Марк!

Полина пошла к кабинету, но мужа там не было. Вернувшись назад, она едва не столкнулась с ним около лестницы, ведущей в спальню Риты. Уланов спускался с ящиком в руках. Полина решительно заявила:

– Я не отпущу вас, пока не пообедаете!

– Выезжаем через полчаса, – хмуро ответил Марк.

Между тем Диана, предоставленная самой себе, вспомнила про сломанный оберег и свечение, поднялась в спальню и нерешительно подошла к круглому зеркалу...

Рита открыла глаза, пошевелилась и поняла, что лежит на кровати под тонким одеялом. Вокруг было темно, но не настолько, чтобы не различить окно и силуэты незнакомой обстановки.

«Кажется, я потеряла сознание в своей спальне на полу и теперь очнулась. Где? Неужели снова в Лос-Анджелесе?»

Рита сделала глубокий вдох, почувствовала смесь запахов прохладной ночи и прислушалась к ее умиротворенным звукам; тихо шелестели кроны деревьев, колыхаемые ветром, пели трелями сверчки, изредка чирикали какие-то ночные птицы.

«Похоже, я дома, но не у себя».

Рита бесшумно встала с кровати, сделала несколько осторожных шагов и ощупала стены в поисках выключателя. Не найдя его, она подошла к большому окну и увидела освещенный изнутри прямоугольный бассейн с голубой водой. По одну его сторону, дальнюю от стены дома, росли небольшие пальмы и высокие кусты, образующие естественную зеленую ширму.

– Мечта! – восторженно прошептала Рита, опираясь на видимый край комода, и вдруг нащупала какой-то прямоугольный предмет с выпуклостями. – Пульт? – она нажала на самую большую кнопку.

Мягкий свет наполнил комнату с высокой кроватью, небольшим шкафом и изогнутым креслом; у окна стоял напольный вазон с цветком, похожим на голову журавля; стена

напротив кровати была закрыта конструкцией из дизайнерских полок, образующих несколько книжных секций и ниши с рисунками и фотографиями; одну из этих ниш занимали настенные часы в форме рулевого колеса яхты. Рядом с полками находилась первая из трех дверей. Часть ламинатного пола покрывал овальный палас.

«Просторно, уютно, розово, – подумала Рита. – Это покои принцессы, которую нужно заключить в башню. Парва хочет, чтобы я и Диана поменялись местами. Зачем? Нет, мне, конечно же, не нужно задавать себе такого вопроса. Здесь Лос-Анджелес, океан, пальмы, здесь я внучка голливудской знаменитости, здесь, в конце концов, лучше, вот и все, но чем эта подмена может обернуться? Об этом следует подумать, но не сейчас».

На одной из стен, окрашенных в пастельно розовый цвет, висело круглое зеркало, такое же как в спальне Риты. Подойдя к нему, она посмотрела на лицо Дианы и с удовольствием потрогала кожу левой щеки. Аллергии как не бывало, это Рита заметила еще в саду Магуайра.

– Плюс одна причина стать Дианой.

Рита внимательно изучила девушку в отражении и нашла, что ее глаза, нос, губы, овал лица и прочие черты точно такие же; те же волосы – густые и длинные.

«Диана – моя копия, если не считать, что она блондинка с розовыми ногтями и одета в пижаму с нелепыми цветочками, – Рита раздвинула корни волос. – Крашенная. Не пробле-

ма. Была блондинка, станет брюнетка, – она задрала рубашку пижамы и повертелась перед зеркалом, оглядывая фигуру. – Песочные часики... стройная, ни капли жира, упругая, подтянутая. Принцесса в хорошей форме, наверно, занимается спортом, как и я. Мы с Дианой разлученные близнецы, это очевидно. Но кто тогда наши настоящие родители?»

Рита отодвинула дверь шкафа-купе. На вешалках висели только шорты с футболкой, внизу стояли босоножки.

«Диана была в них на экскурсии. Самое время продолжить ее в доме Гарднеров».

Она надела обувь и с любопытством приоткрыла ближнюю дверь рядом с зеркалом. Выключатель на этот раз нашелся там, где ему и положено быть – на стене около входа. Свет зажегся, Рита восхищенно ахнула. Комната оказалась гардеробной с одеждой, обувью, аксессуарами и всем необходимым для девушки, которой вздумается менять наряды так часто, как ей того захочется.

«Тут слишком много одежды для одной Дианы, все эти вещи впору и мне...»

Взгляд Риты стал острым и проворным от зависти; бегло ощупывая им полки и вешалки, она заметила некоторое однообразие выбора и испытала торжество астронома, отыскавшего на солнце темное пятно. Из одежды здесь в основном были платья и всего несколько джинсов, а обуви оказалось слишком мало. Рита подумала, что тоже хочет иметь гардероб, но нарядов, обуви и остального в нем будет боль-

ше, и все как она любит: черное и блестящее, хищное, дерзкое или просто строгое по настроению, но обязательно шикарное, роскошное, уникальное и дорогое.

Она надела черные джинсы, оказавшиеся раритетом среди всего изобилия, затем самую темную футболку, кроссовки, вышла из комнаты через другую дверь, оказалась в коридоре и спустилась по изогнутой лестнице в холл первого этажа. Здесь Амур по-прежнему обнимал бесчувственную Психею, побывавшую в гостях у царицы подземного мира Персефоны.

Рита остановилась и с интересом осмотрела скульптуру. Обнаженные тела напомнили о бассейне. Она вышла из холла через заднюю стеклянную дверь и очутилась в средиземноморском саду с цветниками, аккуратно подстриженными кустами и ровными дорожками. Одна вела к теннисному корту, другая огибала дом, за которым виднелась голубая вода бассейна. Рита отошла от двери, чтобы окинуть взглядом архитектуру.

– Дом и правда похож на маленький дворец, – прошептала она, вспоминая слова Парвы. – Королева ютится в башне... это действительно несправедливо.

Сзади раздался шорох. Рита резко обернулась и успела заметить черную тень, промелькнувшую в кустах. Вместо испуга появилось знакомое чувство сопричастности с кошачьими мыслями.

– Выходи, познакомимся, – тихо и властно приказала она

и вдруг с удивлением ощутила присутствие внутреннего мягкого шепота.

«Кассандра здесь».

На освещенную дорожку неторопливо вышла большая ориентальная кошка сфинкс; высокая, стройная, черная, шелковисто гладкая и несоразмерно ушастая, будто летучая мышь. Соединив прямые передние лапы, она опустилась на задние, обернула себя хвостом и стала похожа на египетскую богиню в облике кошки. Ее тонкая и длинная шея, переходящая в клиновидную голову, подчеркивала хищную грацию животного; раскосые глаза преломляли свет и горели внутренним желтым огнем, словно магические камни.

– Кассандра? – Рита вдруг с удивлением почувствовала, как в ее мысли снова вмешивается тихий шепот:

«Иди за нами, хозяйка».

– Я тебя слышу или мне мерещится?

«Иди за нами», настойчиво повторил шепот.

Кошка поднялась и побежала в сторону бассейна, но Рита осталась на месте и сказала едва слышно:

– Я пойду, потому что сама этого хочу.

Уточнив таким образом, кто здесь главный, она последовала за кошкой. Та пробралась к широкому краю бассейна, вдоль которого росли пальмы с кустами, и там затаилась.

«Прячься».

– Еще чего, – Рита сорвала липучки с кроссовок, – я хочу поплавать.

Кошка вдруг протяжно завывала.

– Тише ты, бестия! – она упрямо продолжала снимать кроссовки и бросая их на землю один за другим. – У меня же нет купальника! Не хватало, чтобы кто-нибудь помешал!

Кошка завывала еще громче, внутренний шепот настаивал. «Сзади! Прячься!»

Рита обернулась, заметила, что со стороны дома кто-то идет, подбежала к кошке и спряталась за пластмассовым креслом, забытым в кустах.

– Зачем прятаться? – сердито шикнула она. – Я же дома!
«Узнать секрет», вкрадчиво промурлыкал шепот.

К бассейну подошла красивая черноволосая женщина в длинном шелковом халате. Оглянувшись по сторонам и не подозревая, что за ней наблюдают, она скрылась за высокими кустами зеленой ширмы, сняла халат и бросила его на спинку пластмассового кресла. Другой одежды на ней не было. Нагая, она подошла к пальме, обхватила ее руками и одной ногой, затем посмотрела на крону, потянулась руками вверх и так, продолжая обнимать ствол, застыла, будто возносила молитвы.

Ткань брошенного халата случайно накрыла голову Риты, однако не помешала ей видеть; она бесшумно пригнулась пониже и едва дышала, не желая нарушить безмолвие сакрального ритуала. Кассандра легла на землю у ног хозяйки и прищурила глаза. Девушка и кошка с уважением смотрели на стройную фигуру женщины, принявшей грациозную

позу единения с природой. Рита подумала, что пальма передает силу земли красивому телу, как проводник, а лунная ночь покрывает тайное свидание с матерью природой.

Женщина, а это, конечно, была Эрика, находилась совсем рядом, всего в трех шагах. Слышались ее спокойное, размеренное дыхание и шорох от поглаживающих объятий. Прекрасная в отблесках лунного света, она простояла так около десяти минут и, наконец, отпустила пальму.

Эрика накинула халат, осмотрелась из роскошных кустов, скрывающих ее от случайных взглядов со стороны дома, вышла к бассейну и тут вдруг заметила кроссовки, брошенные Ритой.

– Что за неряшливость!

«Тихо прятаться!» – промурлыкал шепот, но Рита и не подумала следовать совету. Она вышла из своего укрытия, неторопливо расстегивая на ходу джинсы.

– Раздевайся, поплаваем.

– Диана?! И давно ты здесь?

– Как тебе сказать... – Рита помедлила с ответом, стягивая с себя джинсы вместе с трусами. – Вообще-то недавно, – она сняла через голову футболку, приблизилась к бассейну и медленно сошла по ступенькам в воду. – Ох, как хорошо...

– Диана, что за бесстыдство! – наконец нашлась изумленная поведением дочери Эрика.

– Кто бы говорил, – Рита поплыла, раздвигая воду руками и отдаваясь приятным ощущениям от сопротивления тягу-

чей воды. – Ах, блаженство... вода теплая, присоединяйся.

– Диана! Сейчас же вылезай из воды и оденься! – Эрике хотелось кричать, но она боялась привлечь внимание, поэтому злобно шипела. – Тебя может увидеть отец!

– Если бы мог, тебя бы здесь не было, – с нахальной иронией заметила дочь, намекая на ритуал объятий с пальмой. – Расслабься и не мешай мне получать удовольствие.

– Диана, я кому говорю?! Немедленно вылезай!

– Сейчас, – нехотя согласилась Рита и подплыла к бортику, – помоги мне вылезти.

Эрика подала ей руку, но дочь вдруг рывком выпрыгнула из воды, схватилась свободной рукой за полу халата и утянула мать с собою в бассейн, игнорируя треск порванной ткани. От неожиданности Эрика громко вскрикнула. В тишине сада раздался шумный всплеск от падения двух тел в воду.

Эрика, едва вынырнув, закричала в полный голос:

– Диана! Ты с ума сошла! Ты мне халат порвала! Знаешь, сколько он стоит?! Это же дикий шелк!

– Будешь знать, как мне приказывать!

Рита поплыла к лестнице, понимая, что переполох получился нешуточный и на шум скоро придут другие обитатели дома Гарднеров; выйдя из воды, она натянула футболку на мокрое тело и расправила ее внизу, как платье мини.

– Ты пожалеешь! – Эрика в бешенстве поднялась по ступеням.

– Будешь угрожать – полетишь обратно в воду.

– Ты... ты не Диана! – вдруг догадалась Эрика.

– Больше ни слова, девочки, – мягко потребовал повелительный голос.

Со стороны дома неспешно приближалась Мариэн Гарднер, одетая в брюки семь восьмых, блузку навывпуск и длинный вязаный кардиган с капюшоном. Ее стильное одеяние, прямая осанка и рост, кажущийся высоким, несмотря на удобную обувь без каблуков, произвели на Риту впечатление. Она узнала голос, который разговаривал с ней по телефону, но была ошеломлена, когда увидела вместо симпатичной седой старушки элегантную женщину неопределенных лет. Рассмотрев свою бабушку вблизи, Рита была потрясена ее внешностью. Мариэн выглядела как кинозвезда, слегка уставшая от своей популярности, бесконечно далекая и недостижимая для простых смертных. Ее женская красота не старалась себя показывать; зная о своей незаурядности, она нехотя позволяла видеть себя за полупрозрачной вуалью.

Спустя полминуты пришел Альфред в халате; явившись последним, он застал женскую половину в стадии переговоров на повышенных тонах. Мариэн стояла между мамой и дочкой и авторитетно подавляла воинственный пыл враждующих сторон. Диана, в мокрой футболке и босая, очевидно, доверилась миротворческой миссии бабушки и хмуро молчала, прижимая к груди джинсы и кроссовки. Растрепанная Эрика в мокром порванном халате была близка к истерике.

– Она... эта мерзавка не моя дочь!

– Эта девушка действительно не твоя дочь, дорогая, – неожиданно согласилась Мариэн, – но вполне может стать ею, если ты справишься со своими страхами.

В красивых глазах Эрики сверкали божественные молнии, но возражать свекрови она не решилась, поэтому испепелила взглядом мужа. Нет, она никогда не стала бы просить у него помощи и защиты плаксивым голосом, она требовала взглядом. Альфред приобнял супругу и предложил вернуться под крышу. Эрика разрешила себя увести. Уходя, он украдкой от супруги тронул дочь за плечо – мягко, как бы успокаивая. Ночной переполох, возникший в результате соприкосновения двух буйных женских энергий, на этом закончился.

Спустя несколько минут Мариэн и Рита тоже направились к дому.

– Не думайте, что спасли меня, я сама могу за себя постоять.

– Я спасала не тебя, милая, – спокойно возразила Мариэн, оглядывая жалкий вид внучки. – Тебе надо переодеться в сухое. Пойдем, покажу, где гардеробная.

– Я уже знаю.

– Очень хорошо, приводи себя в порядок и подожди меня в комнате Дианы, а я пока заварю чаю. Тебе зеленый, черный или красный?

– Красный, если он фруктовый, а не китайский.

– Малиновый подойдет?

– Вполне.

Рита нашла в гардеробной чистое нижнее белье, сменила футболку на почти такую же, но сухую, надела понравившиеся ей джинсовые шорты, на этот раз с темно-синими босножками, и вернулась в спальню Дианы. Мариэн Гарднер велела Рите ждать здесь, и та послушалась, объяснив это себе простым нежеланием перечить.

Вскоре пришла Мариэн и начала с краткого экскурса по дому.

– Эти комнаты твои, пока ты здесь, – она приоткрыла одну из трех дверей. – Тут наш с Дианой общий холл, как видишь, небольшой. Из него можно попасть в ванную и мои комнаты. Та дальняя дверь ведет в мой кабинет. Я им почти не пользуюсь, поэтому отдала его Диане, там она делает уроки. А вот здесь еще одна спальня, – Мариэн открыла дверь в небольшую комнату с кроватью и окном.

– Зачем нужна вторая спальня?

– Для подруги, если она останется на ночь. Здесь, пожалуй, все. В противоположном крыле дома, по ту сторону от лестницы, живут родители Дианы.

– У меня тоже есть родители. Чьи настоящие? Мои или Дианы? Мы ведь с ней близнецы.

– Вы с Дианой особенные девочки, поэтому вам лучше считать своими родителями и тех, и других.

– Я хочу знать!

– И даже имеешь право знать, но мне не хочется откры-

вать семейные секреты на ходу. Когда я покажу дом, мы отправимся в кабинет твоего деда, это около главной лестницы, рядом с моими комнатами. Чай с печеньем уже там.

– Прекрасно, я умею ждать, но не слишком долго, а ваше пожелание о родителях выполнила наполовину; с папой Альфредом мы подружились. Он даже лучше, чем мой, хотя и похож на него, как Фред на Джорджа в фильмах про Гарри Поттера, – Рита многозначительно посмотрела на Мариэн.

– Шило в мешке не утаишь, – Мариэн с загадочным видом направилась через холл к лестнице, продолжая краткий экскурс. – На первом этаже гостиная, кухня и столовая; в противоположном крыле туалетная комната и душевая с выходом к бассейну. Вряд ли нам стоит спускаться, если тебе не нужен туалет.

– Не нужен, – Рита мотнула головой, обдумывая вопросы, на которые хотела получить ответы прежде всего.

– Тогда пойдем пить чай и разговаривать.

Мариэн открыла дверь кабинета и привычно перевесила фиолетовый шелк с внутренней ручки на внешнюю, попутно поясняя:

– Это знак того, что я внутри и прошу твоих родителей меня не беспокоить. Моих внучек эта просьба не касается.

Домашний музей Винсента Гарднера не удивил Риту.

– Этот кабинет напоминает мне апартаменты одного знакомого архимага.

– Я не была там, но догадываюсь, – Мариэн слегка улыбу-

лась. – Брат-близнец этого архимага менее консервативен и не унаследовал от своего отца склонность к помпезной британской тяжеловесности.

– Значит, вы моя родная бабушка?

– По отцу. Винсент Гарднер был твоим дедом.

– Архимаг сделал из этого страшную тайну, – Рита присела на большой диван рядом с передвижным столиком. – Теперь пусть попробует выведать мою.

– Думаю, у него были веские причины скрывать существование американских родственников, и не только от тебя, а вообще от всех. Его ведь усыновил офицер КГБ. Насколько я знаю, сын пошел по стопам приемного отца, – Мариэн посмотрела на внучку.

Рита едва заметно кивнула. Для Мариэн этого было достаточно.

– У меня были схожие резоны, пришлось долгие годы жить в молчании с клубком ползучих секретов на сердце, – Мариэн сделала приглашающий жест. – Давай выпьем чаю, милая, и попробуем развязать эти немислимые сплетения. Ты ведь умеешь хранить секреты?

– Архимаг научил, – Рита как могла спародировала низкий голос отца: – Тайны, это сосуд, до краев полный, его нужно нести осторожно, чтобы не расплескать ни капли!

Мариэн от души рассмеялась. Смех ее был неторопливым, как все ее движения, искренним и будто шелковым. Рита сначала заулыбалась в ответ, а потом и сама брызнула

звонким смехом.

Мариэн достала платок и промокнула глаза.

– Знаешь, милая, я ведь помню его совсем малышом и с тех пор не видела, а сейчас будто посмотрела через тебя... и даже не знаю, отчего слезы, то ли от смеха, то ли от долгой разлуки. Подожди минутку, я соберусь с мыслями.

Она встала, прошлась, обретая присущее ей спокойствие, вернулась в кресло и серьезно сказала:

– У мужчин нет никаких тайн. И никогда не было. Они владеют секретами и их выдают за тайны. Ты спросишь, в чем разница? Секреты – это вещи, красивые и безобразные, полезные и опасные, их покупают и продают, прячут и воруют, дарят и принимают в дар; секреты перескакивают из головы в голову, как птицы с ветки на ветку. Совсем другое с тайнами, они как далекие звезды, доступны для чувств, но непостижимы для разума.

– Обожаю секреты, а тайны... если они непознаваемы, то не стоит тратить на них время. Вы обещали рассказать о родителях.

– Да, милая, но тебе придется выслушать и мою историю, без нее рассказ будет неполным и непонятным, – Мариэн отпила чаю, посмотрела на внучку и сделала приглашающий жест в сторону угощения. – Не забывай про чай и печенье.

Глава 5. Вторжение в рай

Утром 28 июля 1957 года иностранные делегаты, приехавшие в Москву на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, собрались на ВДНХ СССР. Более тридцати тысяч гостей из ста тридцати одной страны мира сели в автобусы, открытые грузовики и отправились сквозь милицейское оцепление к стадиону имени В. И. Ленина в Лужниках.

Поначалу все шло по плану. Автоколонна продвигалась, толпы встречающих стояли за оцеплением и радушно приветствовали гостей, восклицали лозунги о мире и дружбе, но вскоре произошло невообразимое. Напористое гостеприимство советских граждан смяло милицейский барьер, людские волны затопили автоколонну. Иностранцам жали руки, дарили цветы; тысячи глаз блестели от восторга; недоверчивая бабуля терла пальцем по щеке чернокожего студента, пытаясь стереть краску и изобличить обман.

Автоколонна вынужденно сбавила скорость, а потом и вовсе остановилась. Вместо запланированного часа путь в Лужники занял полдня, поэтому торжественная церемония открытия фестиваля началась лишь в 15 часов.

Позже мировая пресса восторженно описывала всеобщий эмоциональный порыв совершенно незнакомых и не знающих языков друг друга людей, а спустя годы фестиваль, проходивший в середине хрущевской оттепели и холодной вой-

ны, вошел в историю как феерическое и незабываемое событие, самое массовое за всю свою историю.

После открытия фестиваля железный занавес рухнул. Толпы советских Адамов с Евами кинулись обрывать с древ запретные плоды и поглощать их с жадностью недоедающих. Это было началом конца обособленного социалистического рая.

На полмесяца Москва превратилась в мировую столицу бесшабашной молодости. Поколение соблазненных амбициозно хватало от иностранцев все, что позже станет истоками диссидентства: новые веяния в образе жизни, манерах, моде, свободных нравах, не говоря уже о джазе, жвачке, рок-н-ролле, юбках клеш, джинсах и валюте. В головы хлынул поток эпатажных искусств, мыслей, суждений, поведения, нескромных желаний и тайных потребностей. Застарелые болезни ума, случающиеся от любви к Западу, те самые, которые привез в Россию еще Петр I, вспыхнули с новой силой, заразили народ и властную верхушку, а через тридцать три года свели в могилу всю советскую систему.

Советская молодежь мгновенно сломала защитный стереотип «иностранец – значит шпион» и смешалась с гостями фестиваля в беспорядке, похожем на броуновское движение – то самое состояние свободы, равенства, братства всех молекул, или по-другому – хаос.

Импровизированные очаги знакомств возникали спонтанно, как маленькие вихри повсюду – в парках, на пло-

щадях, тротуарах, мостовых. Молодые люди разговаривали, спорили, размахивали руками, смеялись, пели, танцевали, обнимались, обмениваясь сувенирами, значками, открытками, адресами. Они, добравшиеся по пустыне безмолвия к берегам бурлящей реки, восхищались ее шириной и с восторгом резвились в мутных водах.

В этой стихийной жажде нового и запретного пути Винсента Гарднера и Марии Улановой пересеклись фатально, без единого шанса миновать друг друга. Встреча их взглядов была подобна короткому замыканию эмоций, во время которого импульсы чувственного притяжения воспринимаются на уровне, недоступном для сознания. Так рождается любовь с первого взгляда – редчайшее событие, предопределенное по высшему замыслу.

Мария обладала врожденной величавой грацией, которой ее молодая фигура изъяснялась на языке тела столь же естественно, как оратор, одаренный красноречием от бога, изрекает свои тезисы, и даже пауза в такой речи является произведением риторского искусства. Мария не просто двигалась, она пела своим телом. Если бы ее движения можно было переложить на музыку, то самый великий из композиторов заплакал бы от умиления, услышав эту гармонию совершенства.

Было ли это движение руки, касающейся волос или плеча, навстречу легкому наклону головы; быстрый озорной взгляд прелестных глаз, оброненный, как цветок, поклоннику в бла-

годарность за комплимент, – все это было музыкой, которую Винсент, человек творчески одаренный, увидел сразу, а впоследствии всю свою жизнь умел понимать и ценить. Мы не ошиблись, говоря, что он видел музыку, ибо по-другому сложно определить то упоение, которое испытывал его мужской взгляд.

Среди прочих достоинств Марии Улановой обнаружилось ее хорошее знание английского языка, который она, как девушка прилежная, старательно учила, а теперь, получив возможность общения с носителем этого языка, совершенствовалась во владении им ежеминутно.

Винсент покорила гордую русскую львицу светскими манерами, аристократической учтивостью и редкостным даром говорить комплименты, искренние и томительно влекущие. Марии хотелось купаться в них, как в теплой лазурной волне. Слова Винсента ошеломляли сознание советской красавицы и растапливали в ней нежное чувство, подобно тому, как пламя заставляет воск набухать прозрачными капельками и стекать к подножию свечи. Она таяла и хотела таять дальше, понимая с внутренним сладким ужасом, что теперь в ее жизни есть и всегда будет только один мужчина; только он, подобный влюбленному богу и бесподобный во всем.

Винсент Гарднер – уже тогда зрелый мужчина, выдавший немало женщин, посетил фестиваль без приглашения, чтобы отделаться от некоего мистического зова судьбы, нарушающего соразмерный покой. Встреча с русской красавицей,

внезапная и пронзительная, как ураган, срывающий паруса, по-настоящему потрясла творческую натуру актера. Так может быть удивлен мудрый орел, волею случая поднявшийся в космическую высь, где его взгляду открылась необъятная ширь и величие планеты, над которой он прежде летал так низко.

Одаренный художник в Винсенте испытывал восторг, пробуждение созидательного начала, желание парить, творить, жонглировать облаками и приносить плоды своего вдохновения к ногам возлюбленной. Это был восторг таланта от встречи с музой – девушкой Афродитой, которая активируется от любви, будто магический кристалл, и начинает генерировать чудодейственную энергию, возвышающую избранного над простыми смертными.

Чудо, которое не способна объяснить ни одна из областей человеческого знания, не замедлило свершиться; любовь соединила их души в маленьком оазисе чувств, но лишь на мгновение длиною в пятнадцать фестивальных дней. Шестого августа, в день рождения Марии, после романтического ужина в ресторане влюбленные преодолели ханжеские препоны гостиницы «Турист», юркнули в люкс Винсента Гарднера и слились в порывах, которые сдерживать уже не могли.

В эту чудесную фестивальную ночь их мир свернулся до размеров гостиничного номера, а снаружи, за окнами «Туриста», совершенно игнорируя тот факт, что в СССР нет секса, бил горячий фонтан интернационального единения. В пар-

ках и лесопосадках рядом с гостиницами собирались стайки девиц, жаждущих поприветствовать иностранцев «с распростертыми коленками» – так поговаривали потом пенсионеры на лавочках и были правы, но далеко не во всем.

Еще с библейских времен главной дьявольской заботой было развращение целомудренной Евы, а вовсе не слабого к соблазнам Адама. Лукавый даже не стал тратить на него свое красноречие, ибо, по сатанинскому разумению, атаковать следовало крепость, а не таран, стоящий у ее врат. Так что лгут толкователи фарисеи, сваливая на Еву вину за изгнание из рая. Пусть скажут, где был простофиля Адам и тем паче – всемогущий Бог, когда Змий протягивал Еве яблоко соблазна. Впрочем, эта история скорее о легкомыслии тех, кто создает стерильные райские мирки в мыльных пузырях.

Сотрудники срочно созданных пунктов охраны порядка, экипированные фонарями и ручными парикмахерскими машинками, отлавливали ночных нимф, радеющих за содружество народов, и безжалостно остригали их головы прямо на местах грехопадения. Было, однако, поздно. Евы, вкусившие плода, делились опытом с сестрами, и те, зная об опасности, уже не церемонились – международные соития совершались без предисловий и имен, поспешно, по-собачьи, под заборами и в кустах.

Спустя девять месяцев, весной 1958 года, в роддомах появились разноцветные дети фестиваля, среди которых были двое розовых близнецов Альфред и Марк. Роды прошли лег-

ко, но перед выпиской Марию отвели в кабинет, где ее ожидал вежливый мужчина в строгом костюме. Поздравив молодую женщину с двумя здоровенькими малышами, он начал говорить о победе во Второй мировой войне, о том, что сильный Советский Союз очень не нравится агрессивному Западу, об идеологическом противостоянии двух держав, напряженность между которыми нарастает, несмотря на стремление советских людей к миру и дружбе между народами. Мария не хотела возражать и молча соглашалась с мужчиной, который представился ей майором КГБ Борисом Улановым. Она не понимала, к чему он ведет, но уже почувствовала, что в ее маленький цветущий мирок зачем-то вмешивается стальная рука системы.

Далее майор Уланов взял с Марии подписку о неразглашении и пустился в объяснения относительно загадочной природы однояйцовых близнецов. Исследовать их уникальные способности, а затем и использовать во благо советское государство просто обязано, ибо враг не дремлет. Пояснив, каким чудом в виде двух крепышей обладает теперь Мария, майор вскользь упомянул ее незавидное положение. Волею судеб она мать-одиночка, к тому же студентка, и непременно столкнется с разными трудностями, но их можно избежать, если она даст свое согласие на участие ее малышей в специальной программе по изучению близнецов.

Эта программа, продолжал майор, рассчитана на десятилетия, подразумевает особый режим питания и жизнедеятельности.

тельности, всевозможные тесты и исследования, поэтому дети будут обучаться и воспитываться в специальной школе уже с трехлетнего возраста. Сама Мария, конечно же, будет находиться при них, получит отдельную квартиру и хорошее денежное пособие. Ей, простой студентке, выпал не только счастливый шанс растить детей под особой защитой государства; ее малыши получат наилучшее образование, какое только способна дать советская система, а обучение по специальным методикам максимально разовьет их врожденные таланты.

Борис Уланов, по странному стечению обстоятельств одноклассник Марии, был серьезен, харизматичен и вместе с тем доброжелателен. Внушив молодой женщине доверие, он получил от нее согласие и подпись на документах, затем сообщил, что она и ее дети завтра же будут перевезены в закрытый пансионат.

Первые несколько месяцев Мария находилась под колпаком предупредительного внимания врачей и персонала комфортной клиники; она была пленницей специального санатория, но жить в таком плену согласились бы в ее положении многие женщины. Марию посадили на особую диету, питательную и слепую к стоимости продуктов, самых свежих и качественных; сутки были расписаны по часам с заботой о здоровье молодой матери, которое, как пояснили, жизненно необходимо для роста и развития малышей, тесно связанных с ней в первое время после родов.

Мария жила в комнатах, похожих на гостиничный люкс, с небольшим холлом, столовой, спальней, ванной и туалетом. Рядом с постелью находились кровати мальчиков. Большую часть времени молодая мама проводила с ними; кормила грудью, пеленала и баюкала под присмотром доброй пожилой наставницы. Значительное время было отведено для прогулок, питания самой Марии, гимнастических упражнений и обучению материнству, которое, как ей объяснили, является сложной женской профессией. Ей говорили, что в обычной жизни дочери спонтанно перенимают все премудрости от матерей, но этого самотека мало, поэтому нужна еще и теория. Марии преподавали основы медицины, психологии, педагогики, и она впитывала эти знания, хорошо понимая, что они ей необходимы.

Благодаря такой заботе о пробуждении глубинного материнства, а забота эта во многом походила на некое размеренное и священное действие, Мария вскоре ощутила в себе умиротворенность истинной матери, освобожденной от забот внешнего мира. Свобода эта была непродолжительной, но полной.

Досуг Марии, наполненный занятиями рукоделием и просмотрами специально подобранных фильмов, был организован весьма продуманно, но в эти моменты душа ее особенно сильно страдала от невозможности женского счастья. Сразу после фестиваля Винсент был вынужден уехать из страны. «Если б знали вы, как мне дороги подмосковные вечера...» –

слова этой фестивальной песни стали для Марии надрывным гимном безысходной разлуки и иссушающей тоски.

Начиная с первой недели майор Уланов методично проводил с Марией беседы и вызывал ее на откровенность об отце малышей. Она чувствовала, что майор имеет относительно Винсента Гарднера какой-то план, но не могла отказаться от возможности говорить о любимом мужчине и надеждах на новую встречу с ним. Благодаря этим беседам между Борисом и Марией образовалась доверительная связь; он деликатно поощрял ее надежды, говорил, что отец близнецов ее любит и хотел бы на ней жениться. Возможно, он еще не знает, что хочет этого, поэтому она должна подтолкнуть его к правильному решению.

В душе Марии пробудилась наивность, заглушающая доводы разума о том, что майору, собственно, не должно быть никакого дела до ее счастья. Страстно желая этого счастья, она тем не менее с негодованием отвергла идею майора о переписке с Винсентом. Навязываться? Нет, она не такая! Она горда и не побежит за мужчиной, никогда не будет просить его. Нет! Это невозможно! Он должен сам решить, нужна она ему или нет!

После этих ее отказов майор молча удалился, а на следующий день принес печатный вариант ее письма к Винсенту и предложил переписать его от руки, близко к содержанию, своими словами. Прочитав английский текст, Мария вдруг поняла важность того факта, что отцом близнецов является

англосакс и американец. Майор, несомненно, был заинтересован в том, чтобы она стала женой Винсента.

Из нее хотят сделать шпионку! Эта догадка была подобна магнитному полю, выстраивающему металлические опилки вдоль силовых линий. Мария вдруг уяснила свое положение. Она задала вопросы. Майор Уланов вновь ничего не ответил и удалился, предоставляя ее воображению возможность нарисовать самые ужасные картины будущего и, таким образом, сделать всю ту подготовительную работу сознания, результатом которой станет тяжелый выбор.

Спустя несколько дней он вернулся и был откровенен. Целью проекта по исследованию близнецов является их природная способность к телепатии и перспектива ее использования. Речь идет о создании уникальной пары разведчиков-нелегалов. Один из них должен остаться в СССР, другой станет гражданином США.

Мария была потрясена. Майор Уланов, зная, что плодотворная работа ее воображения еще не окончена, вновь покинул комнаты.

Через два дня он вернулся другим. На его лице Мария уловила следы недосыпания от тяжелых сомнений и раздумий. Это уже был не тот строгий майор, которого она видела прежде, а просто мужчина со своими сильными и слабыми сторонами. Борис Уланов не пытался ничего скрывать и начал с того, что рассказал Марии о том, как познакомился со своей будущей супругой, о счастье и горестях, которые уго-

товила им жизнь, о взаимной любви и способности приносить жертвы. Он сказал, что у них нет детей и жена давно просит его об усыновлении ребенка.

– Я сделаю все, чтобы вы покинули страну, – пообещал Борис Уланов. – Это нужно для проекта. Этого же хочет моя жена. Она требует от меня гарантий соблюдения тайны усыновления. Это в моих силах. По документам мальчик будет записан как наш родной сын. Я и моя супруга воспитаем его, мальчик получит искреннюю материнскую любовь... и мою отцовскую.

Прошло три долгих года, отягощенных сомнениями, страданиями и отчаянием, прежде чем Винсент Гарднер вернулся в Москву и усыновил трехлетнего малыша. Далее свершилось удивительное по тем временам чудо; весной 1961 года Мария Уланова получила разрешение на выезд за границу, села с Винсентом и сыном в самолет и прилетела в Лос-Анджелес, где как супруга американского гражданина со временем получила вид на жительство в США.

– Дальше в основном мои домыслы, – продолжала Мариэн. – Полагаю, что после смерти приемных родителей Марк каким-то образом узнал о своей настоящей семье. Возможно, сам Борис Уланов оставил ему какие-то письма. Еще в конце пятидесятых он сообщил мне, что тесты показали удивительный результат, способности мальчиков сильны даже для близнецов, но развить их сможет только тот из них, кото-

рый останется в программе. Он будет и *приемщиком*, и *активатором*, тогда как другой сможет передавать и принимать лишь на подсознательном уровне. Я подозреваю, что наш архимаг – сильный медиум.

– Да, он... – Рита замолчала и отвела взгляд, – он не говорил, но я знаю.

Мариэн с пониманием улыбнулась.

– Вы с Дианой родились в Москве. Марк, очевидно, желал соединить наши семьи, ради этого пошел на манипуляцию братом и внушил ему идею о поиске божественной жемчужины. Были и другие сны, которые Альфред, склонный к мистическому объяснению вещей, воспринял как откровения и уверовал в существование девочки. Он говорил, что видел во сне здание Елизаветинского приюта в Архангельском переулке и от него также во сне путешествовал к детскому приюту, где находится его будущая дочь. В течение нескольких месяцев эти сны на одну и ту же тему с вариациями были регулярны. Уже тогда я начала понимать, что они исходят от Марка. Винсент не был в курсе всего этого, но неожиданно для меня поддержал сына в его желании лететь в Россию. Мой покойный муж что-то знал... – Мариэн замолчала, видя, как внучка с пониманием кивнула. – Тебе что-то об этом известно, милая?

– Видимо, речь идет о пророчестве, – уклонилась от прямого ответа Рита. – Точнее сказать пока не могу.

В глазах и уголках губ Мариэн появилась эфемерная

улыбка. Рите показалось, что ее стговор с Альфредом не является для бабушки секретом, однако она полагается на их благоразумие, поэтому не желает расспрашивать. Мариэн жестом дала понять внучке, что согласна с ней.

– Эрика поначалу восприняла идею усыновления девочки как подвох. Она решила, что у мужа есть русская любовница. После того как Альфред привел доказательства того, что перед помолвкой был в Италии, а не в России, Эрика успокоилась, но сказала, что отправится вместе с ним. 27 мая 1993 года, в восемьдесят четвертый и последний день рождения Винсента, молодые появились в нашем доме с малышкой на руках. Пожалуй, все, кроме меня, удивлялись тому, как Диана похожа на Альфреда. В том, что Марк – ваш родной отец, у меня нет сомнений.

– Моя мама Полина Уланова, – уверенно заявила Рита, – она рассказывала мне подробности. Беременность протекала сложно, врачи опасались за жизнь мамы, поэтому отец обращался к знахарке.

– Так вот откуда взялся оберег, – догадалась Мариэн.

– Я нашла ящик, он лежал в кладовке под моей комнатой. В нем был череп кошки. Я заглянула в глазницы и потеряла сознание. Это было пару часов назад.

– А свиток или тетрадь ты нашла? Если я не ошибаюсь относительно назначения этого оберега, то в нем должна быть... как бы это сказать... инструкция на аварийный случай, а возможно, и нечто большее.

Рита отрицательно помотала головой.

– Я не успела обыскать ящик.

Мариэн помедлила и задумчиво произнесла:

– Значит, оберег уже не работает.

– Это наверняка поправимо. Архимаг сказал, что Божана... так зовут знахарку, велела привести меня к ней сразу после определенного события. Оно уже произошло, это была канарейка, залетевшая в мою комнату.

– Какая фамилия у знахарки? – вдруг спросила Мариэн, – Не Вишневецкая ли?

– Не знаю, мама называла ее только по имени. Могу позвонить по телефону.

– Если это Божана Вишневецкая, то тебе нужно встретиться с ней. Она сильная ведьма. Насколько я знаю, у нее до сих пор нет преемницы, – Мариэн задумалась и покачала головой. – Как стремительно одно тянет за собой другое. Тебе необходимо узнать, кто ты на самом деле.

– Мелания Кроу? Черная Фиалка? Человеческое воплощение демоницы Лилит? – Рита заметила признаки изумления на лице Мариэн и пояснила: – Я знаю то же, что Диана, но с опозданием.

– Да, она говорила, что у вас общая память, но это не мешает мне удивляться. Ваши способности невероятны. Я действительно говорила о Черной Фиалке, но умолчала о главном. Будучи для всех Альбиной Кроу, Мелания была старшей дочерью Артемис. Это титул главы одного из семи древ-

них женских орденов, которые существуют и поныне.

Рита встрепенулась от ошеломительной новости, порывисто вздохнула ртом и тут же захлопнула губы. Глаза ее блеснули.

– Гептада?! Совет мифических богинь, это... единая тайная организация?

– К сожалению, далеко не единая, но тайная, бесспорно. Упомянув о ней вслух, я нарушаю добрый десяток правил, – Мариэн замолчала и некоторое время обдумывала, что сказать дальше. – На тебя уже обратили внимание твои сестры амазонки. Этим ты обязана своим неосторожным комментариям в саду Магуайра и экскурсоводу Джулии Сандерс. Она тобой восхищена. С одной стороны, нам это на руку, мне легче будет ввести тебя в избранный круг, но... Если особа, претендующая на имя Черной Фиалки, не предоставит доказательств своего происхождения, у стрелолобивых сестер возникнут сомнения и домыслы о самозванстве. Это совершенно недопустимо и оскорбительно, к тому же опасно. Тебе нужно сохранить инкогнито, чтобы подготовить свое эффектное возвращение.

Маргарет напряглась, как кошка перед прыжком, ушла в себя и вынырнула обратно, сверкая авантюрными блестками в глазах.

– Скажите, а в орденах...

– Лучше говорить о колодах карт, милая. Среди сестер принято пользоваться особым языком; ты вспомнишь его,

когда ознакомишься с соответствующими трактатами. Извини, я перебила. Что ты хотела узнать?

– О рубине...

– Об этом вообще не принято говорить вне стен резиденций. Пойми меня правильно, я не хочу нагнетать таинственности и заставлять тебя озираться по сторонам, но уже передаю тебе основы правил, нарушение которых может вызвать неодобрение сестер, и это мягко сказано. Было бы правильнее назвать это неодобрение змеиным недовольством с шипением и атакующими бросками. Дело в том, что все колоды крайне консервативны во всем, что касается безопасности их секретов. Такова многовековая традиция.

Рита улыбнулась и выразилась осторожнее:

– Я хотела спросить о кольце некоего Диониса Парвы...

– Оно имеет отношение к колоде стрелолюбивых. Больше ты узнаешь, когда выберешь одну из ее карт, допустим, это будет пиковая дама. Перед ней разложат пасьянс, сначала самый простой. Будут ли следующие, более сложные – это зависит от самой дамы, – Мариэн сделала изящный жест рукой. – Сейчас я говорила с тобой на самом простом иносказательном языке, которым владеют все дамы, независимо от их значимости в колоде. Существуют и другие способы говорить о тайном на виду у всех; самый секретный из них – язык жестов и действий с использованием различных предметов. Он сложнее и доступен только квартетам орденов, в которые входят старшие дамы и трио их ближайших советниц. Эти

двадцать восемь женщин составляют управленческую элиту Гептады, или Совет Клевера. Языку Клевера нельзя обучать, но ты легко освоишь его, когда в тебе проснется память предыдущего воплощения. Черная Фиалка знала все тайные орденские языки в совершенстве, – Мариэн протянула Рите открытую ладонь. – Поверни свое колечко камнем внутрь и положи свою руку на мою. Да, вот так. Можешь сказать, что означает этот жест?

– Нет, но чувствую, что я как бы оказываю доверие, и дама, чья рука снизу, сделает все, что я попрошу... или прикажу.

– Удивительно... – Мариэн покачала головой, – ты правильно трактовала основной посыл этого знака, но учти, пока твой статус не подтвержден, никакого подчинения не будет, а сам жест примут за оскорбление, – она положила руку на стол. – Все это касается ближайшего будущего, но уже сейчас ты должна знать, что все сестры носят символы принадлежности к ордену. Кроме этого, дамы из Совета Клевера носят регалии орденской власти – ювелирные украшения с определенными самоцветами, количество и размер которых могут рассказать о той, кто их носит, очень многое.

– Я видела на руке Джулии Сандерс кольцо с маленьким аметистом.

– Это обычный символ принадлежности к колоде Весты. Регалии орденской власти выглядят иначе, это, как правило, очень дорогие вещи, их надевают в особых случаях, а в опре-

деленных обстоятельствах крупный камень может дать высочайшие полномочия его хранительнице. Таков интересующий тебя самоцвет, этот рубин – уникальная регалия Черной Фиалки. Владая им, ты сможешь претендовать на ее имя. Подчеркну – лишь претендовать. Сам камень не является гарантией того, что его владелица – это перерожденная Мелания Кроу.

– Вы и представить не можете, как жутко мне все это нравится, – щеки Риты порозовели от возбуждения. – А что насчет Диониса? Кто он?

– Терпение, милая, сейчас мы дойдем и до него, – Мариэн пригубила чаю. – Научиться тасовать пиковую даму в колоде и сделать так, чтобы она оказалась поверх других карт – это не самое сложное из того, что тебе предстоит сделать. Главная проблема, как, впрочем, и всегда, это союз феминисток с Серым Братством. Да, милая, есть и такое... – сказала Мариэн, покачивая головой. – Стрелолобивые никак не желают понять, что вреда от этого союза больше, чем пользы. Им, в частности, не известно о том, что их опередили и уже ведут с тобой подковерную игру. Вот я и подошла к твоему вопросу о том, кто владеет интересующим тебя кольцом.

– Дионис Парва... я знаю, что он не человек. Как это возможно?

– Третий закон Кларка, милая.

– Магия неотличима от высокоразвитых научных технологий, – припомнила Рита.

– Может показаться, что Кларк разоблачил магию, назвав ее хайтеком. На деле он поставил знак равенства между этими понятиями, то есть легализовал магию вопреки догматам религии, особенно христианской, которая эту самую магию всегда запрещала, но использовала в своих церемониальных обрядах. Иными словами, третий закон Кларка отменяет монополию церкви на магию, объявляет все религиозные чудеса творением ума и рук человеческих, а служителей бога ставит в разряд ученых жрецов – людей, управляющих умами паствы с помощью тайных знаний.

Глава 6. Путь Черной Фиалки

– Здесь есть кое-что о тех, кто тебя интересуется, – Мариэн взяла в руки томик с мемуарами наставницы Проклятой девы. – Я прочитаю отрывок из воспоминаний Марии Кавелье, она была приемной матерью Черной Фиалки.

– Я хочу знать о ней все, что можно, – Маргарет заинтересованно наблюдала за тем, как бабушка ищет в книге нужную закладку.

– Придет время, и ты все узнаешь без книг. Отсюда... – Мариэн коснулась пальцами лба внучки. – Кстати, само прозвище «Черная Фиалка» придумала Алисия, дочь Марии, когда расчесывала волосы Мелании, такие же длинные, густые и черные, как у тебя; девочки были сводными сестрами, выросли вместе и обожали друг друга, – Мариэн устроилась в кресле поудобнее и приступила к чтению.

*Из мемуаров Марии Кавелье
Мон-Шант, Франция, 1912*

Почти двадцать лет назад я держала на руках годовалую девочку, обезображенную родимым пятном на половину лица. Это был чудо-ребенок, которого я нашла по зову сердца и велению шепота, звучавшего в моей голове. Девочку звали Мелания. Ей было предназначено разорвать устаревшие пу-

ты мужского мира, но она явилась на свет проклятой этим миром, ибо была непокорна ему до своего рождения.

Я взяла веер, прикрыла левую сторону детской головки и позвала старую повитуху Пенни:

– Посмотри, малышке всего год, но уже видно, как она красива. Если бы не это ужасное черное пятно...

– Красота от дьявола, – проворчала Пенни.

– А уродство от бога? – спросила я. – Тогда зачем женщинам такой бог?

Мои вопросы не понравились доброй повитухе; она согнулась пополам, как надломленный сухостой, и принялась сердито сматывать около открытого сундука какие-то тряпки. Кажется, в тот момент нечто похожее она проделывала и в уме, со своими мыслями. За те девять месяцев, которые мы к тому времени прожили в уединенном доме среди унылых болот Девоншира, я успела привыкнуть к этой ее манере тщательно наматывать мысли, прежде чем произнести нравуочение.

Наконец она сказала:

– Ты, милая, разные языки знаешь, да как об искусствах говорить, а простого не понимаешь: не мы выбираем Бога, а он нас. Веруй в Господа, и воздастся тебе.

– Стоит ли женщине слепо верить мужским богам? – спросила я.

– Остерегись, Мария! И бог, и дьявол – оба мужчины, а мы меж ними, и каждый шаг от бога, это два шага к дья-

волу! Потому как к богу дорога в гору, а к дьяволу легкий спуск, – Пенни подошла ко мне и сказала вполголоса: – Это дитя проклято. Помнишь, как она трясла ручонками и тянулась к твоему рубиновому ожерелью? Видела ты, как горели ее черные глазенки? А вдруг она думает, что это не камни, а капли крови?

Я тогда посмеялась над этими предрассудками, но позже выяснилось, что Пенни оказалась права насчет интереса девочки к рубинам. Вот только не крови жаждало дитя, а самих камней. Мне, выросшившей и воспитавшей Меланию, известно об этом ее пристрастии лучше других – никто на всем свете не обожал рубины так, как она.

Мудрая Пенни оказалась права и в другом, когда говорила насчет лукавого, но я была увлечена идеями суффражисток и слишком молода, чтобы задумываться над предостережениями, похожими на проповедь. Сейчас, спустя многие годы, я понимаю, как тонко плетет свою паутину дьявол, как невидимы и липки ее узелки и как безоружны многие женщины перед его коварством.

Свобода от падшего ангела похожа на вседозволенность, вовсе не безнаказанную, однако на противоположном от нее полюсе находится то состояние бесправия, из которого женские стремления качнулись от бога в сторону его противника. Где находится точка, в которой качание маятника должно прекратиться? Где золотая середина между божественно-патриархальным закабалением женщины и ее дьяволичес-

ской свободой?

В 1861 году великая пророчица Анна Лекорбон сказала: *«Сторонницы серых идей отвоюют многие права, но не смогут сопротивляться тлену свободы, которая разденет женщин до исподнего»*. Я не могу себе такое представить, но авторитет прорицательницы Анны неоспорим. Множество ее пророчеств уже сбылось...

Как же поступать нам, женщинам, стоящим между богом и дьяволом? Делать ли один шаг в гору или два по наклонному спуску? Эти вопросы я задала моей воспитаннице Мелании, когда ей было всего шестнадцать лет отроду, и она, не раздумывая, назвала их ложной альтернативой мужского мира. Ее ответы меня удивили. Я пригласила подруг из числа суфражисток с тем, чтобы они высказали свои мнения по поводу рассуждений моей юной воспитанницы. Когда они выслушали ее, то были поражены не менее, чем я. После этой памятной встречи Мелания за короткое время стала идеологом суфражистского движения. Ее врожденный ораторский талант потрясал умы сестер. Выступая перед ними, она говорила:

– Церковь Креста выгнала всех богинь из пантеона. Сатана дал им приют, но ему нужны не богини, а демонессы, поэтому он лишь временный попутчик в нашем деле. Пока он думает, будто мы на его стороне, нам следует двигаться по горной тропе эволюции божественного в женщине. Эта дорога извилиста, пролегает мимо ущелий и пропастей, то под-

нимается в гору, то ведет вниз, но в итоге неуклонно возвышает. Это путь по спирали, которая есть сущность подлинного развития.

Выступление Мелании на собраниях суфражисток часто прерывалось аплодисментами; в такие моменты она управляла ими, как дирижер оркестром, и продолжала:

– Нам говорят, что бог един и он мужчина. Это ложь. Бог – не мужчина, и мужчина – не бог! Мужчина – зверь, получивший шанс стать человеком. Он угловат, волосат, имеет ярко выраженные мускулы – все это признаки самца из животного мира. Женщина – это богиня, ставшая человеком ради зверя. Она сошла с небес, чтобы разделить с ним свое божественное и принять от него земное. Поэтому женщин тянет уродству, а мужчин – к красоте.

Подобные речи Мелании вызывали бурный восторг, ей рукоплескали даже старшие дамы, она же простирала руки в толпу, требуя тишины, а когда все замолкало, вновь взрывала ее несколькими фразами:

– Мы не нуждаемся в мужских богах и дьяволах, указующих перстами! Богини, которым мы согласны поклоняться – это мы сами!

Кажется, в ней жила не богиня, а демоница, но сестрам это нравилось. Как и последователям Братства Серых. Они называли ее новой мессией и, возможно, были не далеки от истины. Мелания прожила недолго, след от ее яркого пути подобен горящему шлейфу на небе, а способ ее ухода из ми-

ра людей заморозил даже тех, кто привык отрицать чудеса.

Многие верят в ее возвращение. Серые братья уже объявили о втором пришествии и, по слухам, заказали позолоченную статую в ее честь. Сегодня, вспоминая выступления Мелании, я осознаю – она была сторонницей крайностей, но так и начинает свой ход обездвиженный маятник, ему нужен мощный толчок или даже удар, достаточно сильный, чтобы преодолеть оковы ржавчины.

Тайна исчезновения Мелании надежно скрыта за зеленым туманом спирального тоннеля Варцо. Некоторые энтузиасты предприняли попытки дать этой фантастической аномалии вразумительное объяснение, но, мне думается, они также далеки от истины, как муравей от знаний об устройстве солнечной системы.

Я не могу объяснить, куда пропал целый поезд, следовавший из Милана в Берн, но в моих силах аккуратно наматывать на клубок те путеводные нити, что привели Меланию в злосчастный тоннель. Она преследовала врага, которого, как думала, уже повергла ранее, но он оказался жив и сумел украсть у нее регалию Черной Фиалки. Это случилось около статуи Антэроса на площади Пикадилли. Бахус каким-то образом превратил Проклятую в Святую на короткое время, и та по кротости своей добровольно отдала этому демону священный рубин, с трудом добытый амазонками у генерала Ордена Иезуитов. С того самого момента серые братья стали покровительствовать суфражисткам. В этом были свои плю-

сы, но сам факт подмены и утрата уникальной драгоценности ужасно разозлили Меланию. Она поклялась уничтожить Бахуса и гналась за ним по пятам, как богиня мести Немезида.

Тем, кто знал Меланию, не нужно объяснять, что такое были ее гнев и месть. Тем, кто не знал, скажу: она расправлялась со своими врагами быстро и безжалостно, как темная ипостась охотницы Артемис – Геката, повелительница ночных кошмаров. Бледная, с черными волосами и ярко-красными губами, со взглядом, прожигаящим и подчиняющим мужчин, она разила виртуозно, незаметно и всегда оставалась непричастной к их бедам с точки зрения человеческих законов. Ее враги будто сами находили себе способ уйти из жизни, всегда по нелепой случайности, по воле тяготеющего над ними рока.

Если очистить дно корабля от налипших ракушек, он поплывет быстрее. Этим и занималась Мелания. Она помогала сестрам освободиться от догматических пут, но они оказались слишком прочными и не могли быть порваны сразу. Пройдет сотня лет, прежде чем люди избавятся от них и начнут называть вещи своими именами.

Не бог, а богиня есть любовь, и бог есть разум. Их единство – непреложное условие развития, не обреченного на гибель. Дьявол это знает, поэтому стремится разделить любовь и разум в человеке. Именно лукавый помогает церкви Креста утаивать божественность Матери. Не во имя «Отца и Сына» и какой-то там неопределенной сущности – «Святого

духа», в котором лицемерно спрятана божественность женского начала, а во имя Отца, Матери и их Детей. Подлинное божество – это Семья, союз двух миров, женского и мужского.

В женском мире божественные идеалы порождает Любовь, в мужском мире – Разум. Они такие же вечные соперники, как огонь и вода, но, разделенные друг от друга, выпадают в дичайшие крайности, провоцируют извращения ума и истерии чувства. Поэтому циничная и хладная, как труп, мысль о превосходстве так же пагубна, как бесконтрольная эмоция, и как мужчина вынужден чувствовать, так женщина обязана думать.

Мог ли Разум породить идею всеобщей Любви? Нет, ведь любовь для разума то же, что землетрясение для моста; она с легкостью сокрушает все умозрительные конструкции, подобно неистовому урагану. Любовь не строит частоколов и не формулирует догм, она не слушает разодетых в мантии патриархов, которые собираются, чтобы решать – в какие чудеса людям верить можно, а в какие нельзя.

Могла ли Любовь создать миф о гневливом старце, запретившем вкушать плоды с древа познания? Исключено, ведь искренняя и жизнеутверждающая любовь не насаждает невежество ради превосходства, никогда не прогонит дитя из дома и не принесет его в жертву. Перед любовью равны все: властители и подневольные, богатые и нищие, мудрецы и невежды, праведники и негодяи, верующие и атеисты.

Любовь вне разума слепа, трагична, калечит себя и других. Играя со смертью, она отрекается от жизни, вместо того чтобы породить ее. Эта острая грань любви легко перерастает в религиозный фанатизм и ненависть к иноверцам. Еще безумнее любовь по-дьявольски, ее не чувствуют, ею занимаются; это не любовь души, а страсть плоти к наслаждениям, как правило, запретным, извращенным, грязным, порой кровавым, убивающим в людях человечность и саму способность любить.

Нас окружают бесчисленные запреты Разума, который строит логические связи, учитывает выгоду и потери, устанавливает порядок и правила. Если бы их не существовало, жить стало бы страшно, но вопрос «Чьи правила лучше и для кого?» всегда злободневен, а проблемы обычно проистекают из паразитизма тех, кто берется создавать правила для всех остальных. В конечном итоге все дьяволическое опирается на идею жития за чужой счет.

Разум, утративший связь с Любовью, соблазняется этой паразитической идеей, стремится возвышаться, унижая других, и выстраивает иерархии на праве обмана, где выше всегда те, кто создает ложь, а ниже те, кто в нее верит. Лукавые служители бога и поклонники дьявола давно знают – чтобы лишить мужчину свободы, нужно выжечь из его головы инакомыслие, а пустоту заполнить догмами; чтобы лишить свободы женщину, достаточно опорочить ее чувственность, и неважно, как именно это будет сделано – ханжескими запре-

тами или поощрением распутства; и то и другое самоубийственные крайности. Увлекая женщину в эти полюса, мужской мир рвет ее на части и от этого неизбежно расколется сам.

Все старания Разума понять Любовь преследуют цель контроля над нею; все попытки Любви почувствовать Разум сводятся к стремлению нарушать его порядки. В этом одно из наших женских предназначений – искривлять прямые до тошноты логические коридоры, чтобы они не породили гениального зла.

Так стоит ли женщине слепо верить мужским богам?

Мариэн перестала читать и взглянула на внучку, ожидая ответа.

– Я думаю, не стоит, – решительно сказала Маргарет. – А дьяволам – тем более.

– Иного ответа я не ожидала, милая, – Мариэн закрыла томик с мемуарами наставницы Проклятой девы. – Магистраль патриархального бога и подземные тоннели его противника не приведут тебя к желаемой цели. Но какова, по-твоему, эта цель?

– Мне нужен рубин Артемиды.

– А Диане необходим опал Коры-Персефоны. Кто же из вас прав?

– Нам нужны все семь самоцветов?

– Да, милая. Семь камней Гептады дадут вам божествен-

ную силу женского начала, ныне утраченную стараниями всех мужских богов и дьяволов вместе взятых; придется осилить третий, альтернативный путь, который Мелания назвала горной тропой эволюции божественного в женщине.

– Мужская сила намного действеннее и работает безотказно, – упрямо возразила Маргарет.

– Женщина, которая рассуждает и действует как стрела, направленная в цель, эффективна в игре на мужском поле и по мужским же правилам, но не более, чем сами мужчины. К тому же она для них предсказуема, ведь о прямой логике мужчины знают все, это их способ познавать мир. Все роковые особы умели ставить мужскую логику в тупик. Женская алогичность – вот что поистине завораживает и пугает мужчин! Самые гениальные из них уже поняли, что новейшие научные открытия делаются на стыке логики и антилогики, таковы, например, корпускулярно-волновой дуализм и теория относительности.

– Алогичность сильнее логики?.. – Рита задумалась.

– Никто не может сказать, что сильнее: огонь или вода, – Мариэн накрыла ладонью руку внучки. – Ты поймешь, милая, но на это уйдет некоторое время, а сейчас поговорим о том, зачем тебе нужна эта самая сила, – Мариэн откинулась на спинку кресла. – От того, чем занимаются поклонники дьяволического древа, незнающий поседет; я говорю о попытках расшифровать геном через символы древних мистических систем, стремлении узнать так называемый «шифр

Бога», с помощью которого был создан человек.

– В Каббале это называют именами бога – комбинациями букв иврита, изменяющими реальность.

– Дело не только в Каббале, я говорю о всех системах оккультных знаний, накопленных в тайных обществах; то же – религиозно-мистические секреты, собранные в подвалах Ватикана. Речь об оккультной генной инженерии, и третий закон футуролога Артура Кларка уже легализовал эту область познания на уровне фантастических предположений. – Наука и оккультизм... это какая-то химера.

– Химерой называют соединение несоединимого, имея в виду мифологическое чудовище, олицетворяющее зло. Будь уверена: Лилит и Еву, взявшихся за руки, рано или поздно назовут именно так, потому что в патриархальной парадигме их союз есть зло высочайшей пробы. Зато другая химера, соединяющая в себе науку и мистику, злом вовсе не считается; оккультизм всегда служил сторонникам темных сил и никогда не мешал им заниматься наукой. Нетрудно догадаться, кто именно достигнет успеха в подобных исследованиях и к чему это приведет. Серые хотят превратить ядро цивилизации в улей – унифицированный социальный организм, состоящий из матки, трутней и рабочих пчел.

– Все антиутопические сюжеты вызывают у меня жуткое дежавю, – задумчиво сказала Маргарет, глядя на узор дубового паркета. – Но все будет гораздо хуже. Я уже знаю, что прочие вне улья станут изгоями. Когда провал между неве-

жеством пчел и знанием пасечников разверзнется, как пропасть без дна, само слово *наука* будет забыто, останется только *магия*, для которой, согласно первому закону Кларка, вероятно, нет ничего невозможного.

– Да, милая, Голливуд уже давно готовит общественное сознание к магическому мышлению и переходу в фантазийную формацию, где будут жить разные... даже не расы, а виды. Запредельно дорогая божественная магия (наука) и амброзия (пища богов), недоступные простым смертным, сделают из пасечников другой биологический вид. Миром будут править долгожители, питающиеся натуральными высококачественными продуктами, живущие в экологически чистых регионах вместе со своими крепкими и многодетными семьями; высокообразованные и обладающие сакральным знанием; по сути – доморощенные боги человечества.

– Человек станет творением науки, – вспомнила Рита.

– Луиза Браун – первый ребенок из пробирки – родилась 1978 году; за последние тридцать лет с помощью технологии ЭКО только в Штатах произведено на свет почти шестьдесят тысяч детей. Григорий Распутин говорил, что *материнская утроба будет продаваться, как продается говядина*, и оказался прав, суррогатное материнство – уже реальность, но это только начало.

– Пророчество Распутина? Я не знала... кошка мне сказала.

Мариэн вскинула брови.

– Те, кто лично знал Черную Фиалку, утверждали, что она понимала кошачий язык. Они были правы?

– Раньше я просто понимала кошек, а теперь еще и слышу. Это началось после того, как я заглянула в глазницы кошачьего черепа.

– Удивительно... – Мариэн встала с кресла, в раздумье прошла по кабинету, затем взяла со стола мобильный телефон и протянула его внучке. – Пожалуйста, узнай фамилию Божаны.

Рита подумала, что маме пока не нужно знать телефон Мариэн Гарднер, поэтому набрала номер своего мобильного, с минуту слушала гудки и сбросила вызов, но ровно в тот миг, когда его приняли. На повторный звонок ответили сразу, но, вопреки ожиданиям Риты, это была не сестра, а мама.

– Та-ак, а кто разрешал отвечать на звонки с моего телефона? – тон у Риты был по меньшей мере прокурорский. – Ладно, я пошутила, прекрати оправдываться. Нет. Да. Не сейчас. Остановись! Со мной все в порядке, – она вдруг уловила тревожный взгляд Мариэн и спросила. – Как там Диана? Это каким же образом она осваивается? Ах, вот оно что... поздравляю, у тебя появилась помощница. Сон? И ты не стала ее разубеждать? Очаровательно. Я тоже осваиваюсь. Если бы отец не дрожал над своими секретами, как кощей над золотом, все случилось бы раньше. Передай ему, что королева жутко разгневана, – на губах Риты заиграла торжествующая улыбка. – Пусть хорошенько подумает, как меня

задобрить. Все вопросы потом. Скажи, как фамилия той знахарки? Да, да, Божаны, ты говорила про нее утром. Вишневецкая, – Рита посмотрела Мариэн и кивнула ей головой. – Не знаю, когда вернусь. Передавай привет моей сестричке. Пока, – Рита сбросила вызов. – Диане понравилось работать в огороде.

Мариэн одобрительно кивнула.

– Уход за растениями, это часть магии заботы и любви.

– Она думает, что ей все снится.

– Это даже к лучшему. Осознавать реальность легче, когда события уже произошли, – Мариэн подвела итог: – Маргарита, тебе следует обыскать ящик и встретиться с Божаной Вишневецкой, но для этого нужно вернуться в Москву.

– Насколько я понимаю, в России карты не менее популярны, чем в Америке, – предположила Рита и со значением посмотрела на Мариэн. – Надеюсь, Божана подскажет, как найти подходящую для меня колоду.

– Боюсь, в России у тебя не будет на это времени, милая, но спросить, конечно, стоит. В остальном... все колоды мира универсальны, однако есть разница в том, каким образом раскладывают карты. В последние несколько десятков лет на столах Америки сходятся самые сложные пасьянсы, поэтому тебе непременно нужно вернуться сюда. Начинать следует с колоды стрел в Лос-Анджелесе.

– Парва говорил, что заключить принцессу в башню поможет круглое зеркало в моей спальне, оно точно такое же,

как в комнате Дианы.

– Альфред как-то упоминал о круглом зеркале в своем сне, – припомнила Мариэн, – правда, уже после того, как повесил его в комнате Дианы.

– Зеркала... общие грани реальностей... – Рита говорила отвлеченно, с паузами, извлекая из памяти обрывки фраз, – они как проходы в лабиринте... Пандора сорвет с ящика печать, и тоннель превратится в окно... – она посмотрела на Мариэн. – Это приснилось Диане, я знаю ее сны.

– Возможно, речь шла о зеркальном окне.

Рита оживилась.

– Вы практикуете магию?

– Очень редко, милая. Нам нужно вернуться в комнату Дианы.

Поняв друг друга без дальнейших объяснений, они вышли из кабинета Винсента Гарднера и проследовали по коридору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.